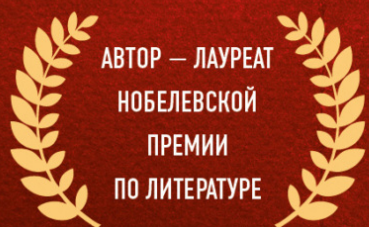

Пианистка

АВТОР — ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ

ИЗДАНА
В 33 СТРАНАХ

ЭКРАНИЗАЦИЯ
УДОСТОЕНА ГРАН-ПРИ
КАННСКОГО
КИНОФЕСТИВАЛЯ

ЭЛЬФРИДА ЕЛИНЕК

18+

Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю

Эльфрида Елинек

Пианистка

«ЭКСМО»

1983

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

Елинек Э.

Пианистка / Э. Елинек — «Эксмо», 1983 — (Best Book Awards.
100 книг, которые вошли в историю)

ISBN 978-5-04-169668-9

Мы привыкли воспринимать любовь и музыку как спасение, возможность сбежать от жестокого и холодного мира в царство грез, в теплые объятия. История пианистки Эрики Кохут показывает, какой обманчивой иллюзией может оказаться эта попытка побега. Музыка опустошает, забирает все силы, не давая ничего взамен и уничтожая надежды об успешной карьере. Надежды суровой матери, от которой она получила не поддержку и одобрение, а лишь удушающую, нездоровую заботу. Страсть к молодому мужчине тяготит, разрушает и, лишённая душевной близости, приобретает извращённые формы. «Пианистка» – откровенный рассказ о женском одиночестве, о попытке вырваться из пут обыденности и нелюбви.

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-04-169668-9

© Елинек Э., 1983

© Эксмо, 1983

Эльфрида Елинек

Пианистка

Elfriede Jelinek

DIE KLAVIERSPIELERIN

Copyright © 1983 by Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, Germany

© Белобратов А. В., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Мать поклоняется ребенку как идолу, требуя одной только скромной платы взамен – всей его жизни целиком».

Эльфрида Елинек

* * *

Роман «Пианистка», имевший сенсационный успех в Европе и США, – знаковое произведение современной литературы.

Автор – лауреат Нобелевской премии по литературе

Издана в 33 странах

Экранизация удостоена Гран-при Каннского кинофестиваля

* * *

«Книга завораживает с первой страницы и не отпускает до последней...

Это не попытка стимулировать эротические фантазии вуайеристов, как кажется на первый взгляд, а великий роман, наглядно демонстрирующий, что на самом деле может скрываться за извращениями и девиациями».

FRANKFURTER RUNDSCHAU

I

В квартиру, в которой она живет вместе с матерью, учительница музыки Эрика Кохут врывается как ураганный ветер. Матери нравится называть Эрику «мой маленький ураган», ведь ребенок порой неуправляем и стремителен. Ребенку так и хочется улизнуть от матери. Эрике уже далеко за тридцать. Что касается матери, то ее по возрасту легко спутать с бабуш-

кой. Эрику она произвела на свет после долгих и нелегких лет замужества. Отец, не мешкая, передал эстафету дочери и исчез со сцены. Эрика появилась, а отец пропал. Шустрой Эрика стала по необходимости. Она влетает в квартиру, словно листва, взвихренная порывом ветра, и пытается проскользнуть в свою комнату незамеченной. Но мамочка уже заняла позицию в проеме двери и зовет Эрику на расправу. Призывает ее к ответу и прижимает к стенке: инквизитор и расстрельная команда в одном лице, которое семья, частная собственность и государство наделили неоспоримым материнским правом. Мать допрашивает Эрику, почему та явилась домой только сейчас, в такую позднюю пору. Последний ученик Эрики, осыпанный ее презрительными насмешками, отправился домой часа три назад. Эрика зря надеется, что скроет от матери, где болталась. Дитя пытается дать ответ на немой вопрос, но веры ей нет, – уж сколько раз она обманывала. Мать некоторое время выжидает, впрочем, совсем недолго, потом вслух принимается считать до трех.

Уже на счет «два» дочь пытается сплести новый ответ, далеко уходя от рассказа об истинном положении вещей. Мать вырывает у нее из рук папку, набитую нотами, и в разинutom чреве обнаруживает горький ответ на свой вопрос. Вместе с четырьмя тетрадами Бетховена в папку втиснуто новое платье, только что купленное, – это сразу видно. Мать обрушивается на обновку взрыв негодования. Там, в магазине, расправленное на вешалке, платье выглядело так привлекательно, оно было такое яркое, так ладно облегалo фигуру, а вот теперь оно похоже на мятую тряпку, которую мать распинает взглядом. Потрачены деньги, которые хотели положить на книжку! Брошены на ветер! Вместо платья им следовало обернуться вкладом в австрийском сбербанке в счет будущей строительной ссуды, если бы Эрика не поленилась сделать несколько шагов к шкафу с бельем, в котором из-под стопки простыней выглядывает сберегательная книжка. Но сейчас книжки там нет, она погулять вышла, с нее сняли деньги, и результат налицо: Эрику заставят надевать это платье всякий раз, когда ей захочется узнать, куда денежки деваются. Мать кричит:

– Ты профукала деньги, которые нам до зарезу нужны! Мы могли бы въехать в новую квартиру, но у тебя терпения не хватает, зато есть новая тряпка, которая скоро выйдет из моды.

Мать все откладывает на потом. Сразу ей ничего не нужно. Единственное исключение она делает для дочери: она всегда хочет знать, где та находится, на случай, если у мамочки случится вдруг сердечный приступ. Мать сейчас экономит, чтобы потом пожить в свое удовольствие. А Эрика возьми да купи себе платье, вещь еще более недолговечную, чем полоска майонеза на бутерброде с рыбой. Оно выйдет из моды даже не через год, а через месяц. Деньги не выйдут из моды никогда.

Деньги копят на покупку большой квартиры. Тесная квартирка, которую они снимают, настолько допотопная, что ее и бросить не жалко. Прежде чем переехать, они закажут встроенные шкафы на свой вкус и сами решат, как будут устроены внутренние перегородки, ведь для их новой квартиры используют совершенно новую систему строительства. Все сделают точно по желанию заказчика. Кто платит, тот и заказывает музыку. Мать получает мизерную пенсию, ей и заказывать, а Эрике – платить. В этой новой, с иголочки, квартире, построенной по самому современному методу, у каждого будут свои владения: Эрика – здесь, мать – там, и владения их будут тщательно отделены друг от друга. Будет и общая гостиная, где можно вместе проводить время. Если они захотят. Мать и дитя, разумеется, захотят, они ведь как бы одно целое. Даже здесь, в этом медленно разрушающемся свинарнике, у Эрики есть собственная территория, где она свободно передвигается под неусыпным надзором. Свобода условна: мать может войти в любую минуту. В дверь комнаты не врезан замок: у ребенка не должно быть тайн.

Жизненное пространство Эрики составляет маленькая комната, в которой она вольна делать все, что захочет. Ее никто не ограничивает, ведь это ее комната. К владениям матери в этой квартире относится все остальное. Хозяйка в доме, которая обо всем заботится, держит под контролем каждый уголок, а Эрика только пожинает плоды домашнего труда, который

выполняет мать. Эрика не знает тяжелой работы: руки пианистки надо беречь от домашней химии. В редкие минуты передышки особую заботу у матери вызывает ее многоликая собственность. Разве уследишь, где она находится? Куда она опять запропастилась, эта неугомонная собственность? В чьих домах, по чьим комнатам носится она, словно вихрь, одна или с кем-то на пару? Беспокойная как ртуть Эрика, это ускользающее из рук создание, может стать, куролесит в данную минуту невесть где и вытворяет невесть что. Но каждый день, секунда в секунду, дочь неизменно вновь появляется там, где ее место, – дома. Беспокойство охватывает мать, ведь каждый собственник перво-наперво усваивает на горьком опыте: доверяй, но проверяй. Главная мамочкина задача состоит в том, чтобы удерживать собственность в одном и том же месте, по возможности в неподвижном состоянии, чтобы она не могла улизнуть. Этой цели служит телевизор, который прямо на дом поставляет красивые картинки, заранее изготовленные и красочно упакованные. Из-за него Эрика и проводит здесь почти все время, а если и уходит куда-то, матери точно известно, где ее носит. Иногда по вечерам Эрика ходит на концерт, но это случается все реже и реже. Она то сидит за пианино и вколачивает в клавиши свою исполнительскую карьеру, давно и окончательно похороненную, то как злой дух реет над каким-нибудь опусом вместе со своими учениками. При крайней необходимости ее всегда можно вызвонить. Иногда Эрика вместе с коллегами-единомышленниками посещает домашние концерты, наслаждаясь, музицируя и восторгаясь. Там ее тоже можно достать звонком. Эрика сопротивляется материнским узам и время от времени просит не разыскивать ее по телефону, но мать легко преодолевает это препятствие, ведь устанавливает заповеди только она сама. Мать решает, кому открыт доступ к ее дочери, и заканчивается это тем, что все меньше людей хотят встречаться и говорить с ее чадом. Профессия для Эрики – это и ее хобби, небесная власть музыки. Музыка отдано все ее время. Все остальное не стоит ее времени. Ей ничто не доставляет большую радость, чем исполнение самых знаменитых музыкальных произведений самыми выдающимися музыкальными знаменитостями.

Когда Эрика раз в месяц ходит в кафе, мать всегда знает, в какое и как туда позвонить. Этим правом она пользуется вволю. Свод правил безопасности и привычек изготовлен по домашнему рецепту.

Время вокруг Эрики медленно застывает, как гипс. Оно сразу начинает крошиться, если мать вдруг грубо тычет в него кулаком. Эрика сидит под насмешливыми взглядами окружающих, ощущая на себе гипсовые крошки времени, словно остатки развалившегося ортопедического воротника, и выдавливает из себя: мне пора домой, пора домой. Когда встречаешь Эрику где-нибудь на улице, она всегда направляется домой.

Мать вещает: собственно, меня Эрика устраивает такой, какая она есть. Лучше она не станет. Правда, она стала бы неординарной пианисткой, что нетрудно при ее-то способностях, если бы она доверялась только мне, своей матери. Но Эрика, вопреки материнской воле, иногда поддавала под чужое влияние; глупые грезы о любви грозили отвлечь ее от учебы, вздымали свои мерзкие головы такие пустые увлечения, как косметика и платья, – и карьера кончается, еще и не начавшись как следует. И все же чего добились, того не отнимешь – места преподавателя по классу фортепьяно в Венской консерватории. И ей даже не пришлось потратить годы на учение и странствия по филиалам, по районным музыкальным школам, в которых столь часто киснет в серой пыли молодая кровь и где вокруг господина директора выются маленькие и легко рассеивающиеся стайки музыкальной молодежи со сгорбленными спинами.

Если бы не тщеславие! Это проклятущее тщеславие. Тщеславие Эрики доставляет матери хлопоты и мучает ее, как колючка в глазу. Эрике теперь придется отказаться от своего тщеславия. Чем раньше, тем лучше, ведь в старости, которая уже не за горами, тщеславие особенно обременительно. Старость и сама по себе – нелегкая ноша. Ох уж эта Эрика! Разве великие умы в истории музыки страдали тщеславием? Ни в малой мере. Единственное, от чего Эрике

придется отказаться, так это от тщеславия. Коль возникнет нужда, мать придаст Эрике нужный лоск, чтобы к ней не приставало ничего лишнего.

И вот сегодня мамочка пытается выкрутить из судорожно сжатых пальцев дочки новое платье, да только пальцы эти слишком хорошо натренированы.

– Отпусти, – говорит мать, – отдай сейчас же! Тебя стоит наказать, ты сама не своя от всякой мишуры. Тебя раньше наказывала жизнь, не обращая на тебя внимания, а теперь накажет мать, которая и не взглянет в твою сторону, хоть обвешайся сразу всеми тряпками и размахай себя как клоун. Сейчас же отдай платье!

Неожиданно Эрика бросается к платяному шкафу. Ею овладевает мрачное подозрение, которое и прежде не раз подтверждалось. Вот и сегодня она снова не обнаруживает одной из своих вещей: нет на месте осеннего костюма темно-серого цвета. Что случилось? В ту самую секунду, когда Эрика замечает отсутствие вещи, она уже знает, кто в этом виноват. Речь может идти только об одном человеке.

– Ах ты стерва, стерва! – орет Эрика на вышестоящую инстанцию и вцепляется матери в волосы, окрашенные в темно-русый цвет, с сединой, выбивающейся у самых корней. Парикмахер обходится дорого, к нему лучше не обращаться. Раз в месяц Эрика красит матери волосы, используя кисточку и краску «Поликolor». И теперь Эрика таскает мать за те самые волосы, которым сама же придавала красоту. Она с яростью дергает за них. Мать ревет. Когда Эрика отпускает ее, в руках остаются клочья волос, которые она тупо и с удивлением разглядывает. От химических красителей волосы портятся, но они и от природы никогда не были венцом творения. Эрика не сразу может сообразить, куда девать эти клочья. Наконец она идет на кухню и бросает темно-русые, плохо прокрашенные пряди в мусорное ведро.

Мать с пордевшей прической неутешно рыдает посреди гостиной, в которой Эрика часто устраивает домашние концерты, причем играет она лучше всех, ведь в этой комнате на фортепьяно никто, кроме нее, больше не играет. Мать по-прежнему держит новое платье в дрожащих руках. Если она собирается его продать, ей стоит поторопиться: мода на рисунок из маков размером с капустный кочан до конца года пройдет и никогда больше не вернется. От выданных волос у матери болит голова.

Дочь возвращается, ее возбуждение разрешается плачем. Она обзывает мать последней сволочью, надеясь при этом, что мать с ней сейчас же помирится. И удостоверит сие, поцеловав любимое дитя. Мать пророчествует, что у Эрики рука отсохнет, ведь она посмела ударить мамочку и таскала ее за волосы. Эрика всхлипывает все громче, она уже раскаивается в случившемся, ведь мамуля идет ради нее на любые жертвы. Эрика очень быстро раскаивается во всех выпадах, направленных против матери, она любит свою мамочку, которую знает с самого детства. Наконец Эрика, как и ожидается, идет на мировую, продолжая горько рыдать. С готовностью, со слишком большой готовностью идет на мировую и мамочка, она тоже не может всерьез обижаться на собственную дочь.

– Сварю-ка я кофе, посидим вместе за столом.

За послеполуденным кофе Эрика продолжает жалеть мать, и последние остатки злобы исчезают вместе с последним куском пирога. Она внимательно осматривает проплешины на голове у матери. И не знает, что сказать по этому поводу. Как не знала, что делать с вырванными клочьями волос. Напоследок она проливает еще несколько слезинок, ведь мать уже совсем пожилая и когда-нибудь ее не станет вовсе. А еще потому, что и у нее, у Эрики, молодость уже за плечами. И вообще потому, что все проходит и редко возвращается вспять.

Теперь мать занята тем, что объясняет своему ребенку, почему миловидной девушке не нужно одеваться вызывающе. Ребенок с ней соглашается. Шкаф у Эрики набит платьями. А все зачем? Она никогда их не надевает. Платья висят там без пользы, только для украшения шкафа. Матери не всегда удается помешать покупке, а вот что касается того, когда и что носить, тут она наделена неограниченной властью. Мать решает, в чем Эрике выходить из дому.

– В таком виде я тебя за порог не пушу, – решает мать, потому что опасается, как бы Эрика в таком виде не пошла в незнакомые дома к незнакомым мужчинам. Да и сама Эрика решила не надевать эти платья. Долг матери – укреплять ее в этом намерении и уберегать от ложных решений. Зато впоследствии не придется с трудом залечивать раны, которые нанесут ей чужие люди. Пусть лучше мать наносит Эрике раны, а затем следит за ходом их исцеления.

Беседа выступает из берегов и устремляется к точке, из которой брызги желчи летят в адрес всех, кто обходит или может обойти Эрику справа и слева. «Нам это вовсе не нужно, нельзя разрешать им все, что взбредет в голову! Ты сама виновата! Ты сама могла бы их притормозить, но ты ведь такая неумелая, Эрика». Если учительница решительно воспротивится, никто из этих молодых девиц, по крайней мере из тех, кто у нее учится, не поднимется наверх и не сделает карьеры пианистки, карьеры нежелательной и вне установленного распорядка. У тебя самой не вышло, зачем же позволять это другим за твой счет, да еще собственным ученикам?

Все еще шмыгая носом, Эрика берет несчастное платье в руки и без всякой радости, молча вешает его в шкаф рядом с другими платьями, брючными костюмами, пальто, юбками и пиджаками. Она никогда их не надевает. Пусть они дожидаются ее здесь, пока она вечером не вернется домой. Тогда их достают, раскладывают вокруг, прикладывают к фигуре, рассматривают. Самое главное, что они – ее собственность! Пусть мать отберет их и продаст, но ей их никогда не надеть на себя, мать, к сожалению, слишком толста для этих узких одеяний. Ни одна из вещей ей не подходит. Здесь все только для нее, для Эрики. Принадлежит ей одной. Новое платье еще и не подозревает, что сейчас разом оборвалась его карьера. Его убирают, так и не надев, и никогда не достанут снова. Эрика хочет лишь владеть и созерцать. Созерцать издали. Даже примерять ей не хочется, достаточно подержать эту поэму из ткани и красок и грациозно пронести ее перед собой на вытянутых руках. В дом будто врывается весенний ветер. Эрика уже примеряла платье в модном магазинчике, и больше она его никогда не наденет. Эрике уже не припомнить то недолгое, мимолетное очарование, которое вызвало в ней платье при покупке. Теперь платье для нее все равно что мертвое, и все же оно – ее собственность.

Ночью, когда все кругом спят и одна Эрика бодрствует в своем одиночестве, когда фрау мама, дражайшая половинка этой пары, скованной друг с другом узами любви, видит безмятежные сны о новых способах пыток, дочь иногда, крайне редко, открывает дверь шкафа и осторожно прикасается к свидетелям ее тайных желаний. Желания ее не такие уж тайные, они кричат во весь голос о том, во что они ей когда-то обошлись, и ради чего теперь все это? В их крики вплетаются вторые и третьи голоса расцветок и узоров. Куда можно пойти в такой одежде, не боясь, что тебя выведет оттуда полиция? Обычно Эрика ходит в юбке и пуловере, а летом надевает блузку. Время от времени мать вдруг просыпается в страхе и инстинктивно чувствует: эта самовлюбленная жаба снова разглядывает свои платья. Мать в этом абсолютно уверена, даже если шкаф, испытывая профессиональную гордость, и не скрипнет дверцами.

Вся беда в том, что бесцельные покупки до бесконечности отодвигают срок въезда в новую квартиру, а Эрике постоянно угрожает опасность угодить в сети любви. Нежданно-негаданно обнаружишь в своем гнезде мужчину, как подкинутое кукушкой яйцо. Утром за завтраком надо обязательно строго выговорить Эрике за ее легкомыслие. Ведь мама вчера едва не умерла от шока и от боли из-за выданных волос. Для Эрики будут установлены жесткие сроки платежей, и пусть она дает еще больше частных уроков.

По счастью, в этой безрадостной коллекции нет свадебного наряда. Мать не намерена становиться матерью невесты. Она хочет оставаться обычной матерью, она вполне довольна этим положением.

Но – будет день, будет пища. Пора, наконец, спать! Мать из двуспальной цитадели призывает Эрику к порядку, но дочь все еще вертится перед зеркалом. Твердый клюв материнских приказов ударяет в спину дочери. Напоследок она быстрыми движениями ощупывает элегант-

ное платье, подол которого украшен узором из цветов. Эти цветы никогда не дышали свежим воздухом, они никогда не впитывали в себя влагу. Эрика утверждает, что платье куплено в престижном магазине женской моды в центре города. Качество и отделка рассчитаны на вечность, платье подобрано Эрике по фигуре. Воздерживаться от мучного и сладкого! При первом же взгляде на платье Эрику осенило: я могу носить его много лет подряд, и оно вот ни на столечко не выйдет из моды. Это платье годами будет шагать по тропе моды! Эрика предьявляет матери свои аргументы. Оно вообще никогда не будет старомодным! Пусть мать строго спросит себя, не носила ли она в своей молодости платья такого фасона, а, мамуля? Та из принципа отрицает подобный факт. Вопреки этому Эрика делает вывод, что данное приобретение себя оправдало. Уже потому, что платье никогда не устареет; Эрика и через двадцать лет будет надевать его так же, как сегодня.

Мода меняется быстро. Платье так и останется ненадеванным, хотя оно по-прежнему выглядит как с иголочки. Но никто не приходит и не просит показать его. Его лучшие времена прошли бесцельно и никогда не вернутся, разве что лет через двадцать.

Часть учеников решительно обороняется от Эрики, обучающей их игре на фортепьяно, однако их родители настаивают на продолжении занятий. На этом основании фройляйн Кохут, их педагог, может затягивать гайки потуже. Большинство же молотобойцев от музыки ведут себя послушно и увлечены искусством, которому они обучаются. Они чтят искусство даже тогда, когда его сотворяют другие люди, будь это в музыкальном обществе или в концертном зале. Они сравнивают, взвешивают, измеряют, подсчитывают. У Эрики много учеников из других стран, и с каждым годом их становится все больше. Вена – город музыки! Лишь то, что оправдывало себя до сих пор, оправдывает себя и в будущем. С белого, жирного брюха Вены, набитого культурой, с треском отлетают пуговицы, и брюхо это из года в год раздувается все чудовищней, как труп не выловленного из воды утопленника.

Шкаф заглывает в свое нутро новое платье. Одним больше! Матери не по нраву, когда Эрика выходит из дому. Это платье слишком вызывающе, ребенку оно не идет. Мать говорит, что надо где-то провести черту; она не знает, что она имела теперь в виду. От сих и до сих, вот что она имела в виду.

Мать убеждает Эрику, что, дескать, она, Эрика, не похожа на других, она единственная в своем роде, особенная. Материнский расчет всегда удается. Эрика уже сегодня говорит о себе, что она индивидуалистка. Она заявляет, что никогда и никому не станет подчиняться. И с людьми она трудно сходитя. Такое явление, как она, Эрика, бывает всего один раз и никогда не повторится. Ее, Эрику, не спутаешь ни с кем другим. Она ненавидит уравниловку в любом виде – возьмите для примера хоть школьную реформу, которая совершенно не учитывает особенности детского характера. Эрика не допускает, чтобы ее приравнивали к другим, пусть даже эти люди – ее единомышленники. Ее отличие от них резко бросается в глаза. Она – это она. Она такая, какая есть, и ей с собой ничего не поделать. Мать чует дурное влияние на Эрику там, где она сама того не замечает, и хочет уберечь ее прежде всего от влияния мужчины, который помешает ей быть самой собой. Ясно же – Эрика обладает индивидуальностью, хотя и полной противоречий. Противоречивость в Эрике подталкивает ее к решительному протесту против растворения в массе. Эрика – яркая индивидуальность, она одна противостоит широкой массе своих учеников, одна против всех, и она уверенно держит в руках руль кораблика, плывущего по волнам музыкального искусства. Ее не удовлетворяет ни одно общее суждение, которое уравнивало бы ее с другими. Если ученик спрашивает ее о цели, к которой она стремится, она говорит о гуманизме искусства и в этом понятии в сжатом виде передает ученикам содержание Священного Писания от Бетховена, втискиваясь на постамент рядом с музыкальным гением.

Из соображений общехудожественного и индивидуально-человеческого порядка Эрика извлекает корень: она никогда не сможет подчиниться мужчине после того, как столько лет подчинялась матери. Мать против того, чтобы Эрика когда-нибудь вышла замуж, ведь, говорит

она, моя дочь так трудно сходится с людьми и не терпит зависимости от кого-либо. Такая уж она есть. Эрике нельзя выбрать себе спутника жизни, поскольку она обладает несгибаемым характером. И она к тому же давно не молодая поросль. Если один не уступит другому, то брак скоро и худо закончится.

– Оставайся лучше самой собой, – говорит Эрике мать. В конце концов, мать сделала Эрику тем, чем она сейчас является.

– Вы еще не замужем, фройляйн Эрика? – спрашивает молочница, и продавец в мясной лавке спрашивает о том же.

– Вы же знаете, мне никто не нравится, – отвечает Эрика.

Вообще она родом из семейства сигнальных мачт, одиноко высящихся на широких просторах. Их не слишком много. Они размножаются с большим трудом и крайне редко, как и жизнь свою проживают скупой и трудной. Эрика увидела свет лишь после того, как мать была замужем уже двадцать лет: это супружество привело отца к помешательству, его держат теперь в сумасшедшем доме, чтобы не создавать опасности для окружающих.

Сохраняя благопристойное молчание, Эрика покупает четверть фунта сливочного масла. Хватит с нее родной матушки, не нужно ей никакого женишка. Как только в этом семействе достигает зрелости новый отпрыск, его сразу отторгают и отвергают. Всякие отношения с ним прекращаются, как только он, понятное дело, обнаружит свою никчемность и непригодность. Мать молоточком отбивает членов семьи и одного за другим удаляет их из ее лона. Каждого она взвешивает и отбрасывает прочь. При таком подходе не появятся паразитов, которые постоянно чего-то требуют, что стодится еще самой. Мы останемся вдвоем, правда, Эрика? Никто нам не нужен.

Время проходит, и мы проходим вместе с ним. Эрика, ее изысканные одеяния, ее мама укрыты от других, как сыр под стеклянным колпаком. Колпак поднимется, если кто-то снаружи возьмется за стеклянную шишечку сверху и потянет за нее. Эрика – словно насекомое в янтаре: вне времени, вне возраста. У Эрики нет истории, и она не впутывается ни в какие истории. Это насекомое совершенно утратило способность бегать и ползать. Эрика живет, запеченная в изложницу бесконечности. Эту бесконечность она рада разделить с ее любимыми сочинителями музыки, однако по популярности ей с ними никак не сравниться. Эрика сражается за свое маленькое место под солнцем, чтобы не терять из виду творцов музыкального искусства. За это место приходится бороться изо всех сил, поскольку чуть ли не вся Вена лелеет желание именно на нем возвести по меньшей мере дачную времянку. Эрика устанавливает ограждение на своей площади Усердия и начинает рыть строительный котлован. Она честно заслужила это место своей учебой и исполнительством! В конце концов, и копирующий творение есть одна из ипостасей творца. Копирующий сдобривает блюдо своей игры собственными приправами, чем-то, что есть он сам. Он добавляет туда несколько капелек крови из собственного сердца. И у исполнителя есть своя скромная цель – исполнять хорошо.

– И все же он должен подчиниться создателю произведения, – говорит Эрика. Она добровольно признает, что это составляет для нее большую проблему. Ведь она одновременно и подчиняется, и не может подчиниться.

И все же у Эрики есть главная цель, которая объединяет ее с другими исполнителями, и эта цель – превзойти всех других!

В трамвай ОНА вваливается под тяжестью музыкальных инструментов, которыми обвешана спереди и сзади, в дополнение к туго набитым папкам с нотами. Мотылек, навьюченный громоздкими предметами. Звереныш чувствует дремлющие в нем силы, которым мало одних занятий музыкой. В его кулачках сжаты ручки футляров. В них прячутся скрипки, альты, флейты. Зверенышу нравится тратить свои силенки на всякие пакости, хотя ему есть из чего выбирать. Этот выбор предлагает мать – широкий выбор сосцов на вымени дойной коровы, именуемой музыкой.

Смычковыми и духовыми инструментами, тяжелыми нотными папками она врезается в спины и животы пассажиров, в эти сальные подушки, от которых ее орудия отскакивают, как от резиновых буферов. Иногда, по настроению, она берет футляр и инструмент в одну руку, а кулаком другой коварно тычет в чужие пальто, накидки, шерстяные непромокаемые куртки. Она оскверняет австрийскую национальную одежду, назойливо ухмыляющуюся пуговицами из оленьего рога. Как камикадзе, она превращает себя в собственное оружие. В толпу, покрытую грязью закончившегося рабочего дня, она снова тычет острыми выступами музыкальных инструментов: то скрипкой, а то и увесистым альтом. Когда трамвай набит битком, часов эдак в шесть, удастся наставить синяков, просто извлекая инструмент из футляра. Как следует не размахнешься, слишком мало места. ОНА – исключение из отвратительных правил, которые толпятся у нее перед глазами, и мать при очередной взбучке наглядно и с удовольствием внушает ей, что дочь – исключение, ведь она – ее единственный ребенок, который должен вести себя достойно. В трамвае ОНА каждый день видит, какой ей не хочется стать. Она вспарывает серый поток людей с билетами и без билетов, только вошедших или пробирающихся к выходу, тех, кто не получил ничего там, откуда он едет, и тех, кто не получит ничего там, куда он направляется. Привлекательного в них мало. Иным уже пришлось сойти, прежде чем они сумели как следует устроиться внутри.

Если народное возмущение выталкивает ЕЕ на остановке, далекой от дома, она и в самом деле покорно покидает вагон, сдерживая сгусток ярости, собравшейся в сжатых кулачках, а потом терпеливо ждет следующего трамвая, который появляется столь же наверняка и вовремя, как «аминь!» в молитве. Эти цепочки никогда не обрываются. Она идет на новый штурм со свежей энергией. Обвешанная инструментами, она с трудом протискивается между людьми, едущими с работы, и взрывается в самой гуще, как хорошая осколочная бомба. Она нарочно застревает в проходе и говорит:

– Простите, я сейчас выхожу.

Все окружающие с готовностью поддерживают ее. Пусть она немедленно покинет порядочный общественный транспорт! Таким, как она, здесь не место! Приличные пассажиры такого безобразия не потерпят.

Они смотрят на школьницу и думают: музыка, должно быть, пробудила в ребенке возвышенные чувства. Но эти чувства лишь сжимают ее пальцы в кулак. Иногда несправедливые обвинения пассажиров нацеливаются на какую-нибудь серятину, к примеру, вон на того молодого парня с заношенным парусиновым рюкзаком, набитым всякой дрянью. На него легче всего подумать. Пусть сейчас же сходит, пусть проваливает к своим друзьям, иначе схлопочет по физиономии от здоровяка в шерстяной куртке.

Народный гнев всегда прав: он оплачивает свой проезд кровными шиллингами, и он это докажет любому контролеру. Он с гордостью протягивает прокомпостированный билет и уверен, что весь трамвай – только для него одного. Ему-то не приходится неделями сторать в геенне огненной от страха перед появлением контроля.

Какая-то дама, которой, как и всякому из нас, не чуждо чувство боли, громко взвизгивает. Ей изрядно досталось по голени, этой жизненно важной части скелета, на которую частично давит ее вес. Разве разберешь в такой давке, опасной для жизни, кто виноват и кого притянуть к ответу? Окружающих накрывает заградительный огонь из обвинений, оскорблений, заклинаний и жалоб. Из раскрытых ртов изливаются сетования на собственный жалкий жребий и выплескиваются проклятия на головы других. Все они плотно прижаты друг к другу, как сардины в банке, вот только маслом их еще не полили, пусть подождут, еще не вечер.

ОНА со злобой пинает ногой какого-то мужчину, попадая прямо по твердой косточке. Ее соученица, на ногах которой пламенеют двумя вечными огоньками туфли с чудесными высокими каблуками, а фигура упакована в новомодное, отороченное мехом кожаное пальто, однажды дружелюбно спрашивает ее:

– Что ты на себе таскаешь? Как это называется? Я имею в виду не голову у тебя на плечах, а вон ту коробку за плечами.

– Это так называемый альт, – вежливо отвечает ОНА.

– А что это за штука такая, этот, как его там, альт? Никогда не слышала такого странного слова, – весело щебечет напомаженный ротик. Ходит тут одна такая и таскает на себе странную штуковину, ну, этот, как его, альт, неизвестно на что пригодный. И все должны уступать ей место, ведь этот альт такой здоровенный. ОНА нисколько не боится выходить с ним на улицу, и никто не арестовывает ее на месте преступления.

И те пассажиры, что держатся за поручни и виснут на них всей тяжестью своего веса, и те немногие счастливики, что гордо восседают в трамвае под завистливыми взглядами попутчиков, безнадежно тянут вверх шеи на своих изношенных туловищах. Им не удастся высмотреть вокруг себя никого, кто мог бы стать мишенью оскорблений и обид за их ноги, отдавленные чем-то твердым.

– Кто-то только что посмел наступить мне на ногу, – изливается из чьей-то глотки поток плохой литературы. Кто преступник? Открывается заседание пресловутого Первого венского трамвайного суда, чтобы вынести вердикт и приговор. В любом фильме про войну всегда отыщется хоть один герой, который вызовется в добровольцы, даже если набирают команду смертников. А эта трусливая собака прячется за нашими терпеливыми спинами. Сопровождаемая толчками и подпихиваниями, из вагона вываливается целая куча мастеровых предпенсионного возраста, смахивающих на крысиный выводок. За плечами у каждого – сумка с инструментами. И вот эти трудяги топают целую остановку пешком! Если какой-то баран возмущает спокойствие вагонных овечек, то возникает срочная нужда в глотке свежего воздуха, а снаружи его предостаточно. Воздуходувке, обдающей хозяина волной раздражения, с которой жена дома поставит ему ужин на стол, требуется свежий запас кислорода, а то ведь, пожалуй, она не сможет как следует функционировать. Какая-то фигура неопределенной расцветки и формы вдруг дергается, едва не падая, другая фигура вопит, будто ее режут. Облако ядовитого венского тумана наползает на трамвайный лужок, заполненный народом. Кто-то в сердцах не удерживается от крепкого словца, сожалея о заведомо испорченном свободном вечере. Ишь, как они разошлись! Их ежевечернее отдохновение, которому следовало начаться минут двадцать назад, сегодня не наступило. Вернее, отдохновение это грубо прервано, как грубо надорвана разноцветная жизненная упаковка у жертвы, упаковка с инструкцией по использованию товара, и теперь его не сунешь на прежнее место на полке. Незаметно взять новую и неповрежденную упаковку жертве не удастся: ее сразу схватит продавщица и обвинит в магазинной краже. «Следуйте за мной, не поднимая шума!» Но дверь, которая ведет или которая, как казалось, вела в кабинет директора, – это дверь-обманка, и за стенами нового, с иголки, супермаркета вам больше не предложат новинок недели, там, за этой дверью, Ничто, совершенное Ничто, лишь темень, и покупатель, никогда не замечавший за собой особой скупости, проваливается в бездонную пропасть. Кто-то на принятом здесь языке образованных людей произносит:

– Прошу незамедлительно покинуть салон!

Из его черепушки торчит пышный клоч шерсти горного козла, поскольку на голове у этого человека охотничья шляпа.

ОНА своевременно приседает, прячась за пассажиров, и прибегает к новой злой уловке. Сначала ОНА устраивает вокруг себя крупногабаритную свалку из музыкальных инструментов. Они служат для нее чем-то вроде изгороди. Она делает вид, что завязывает шнурок на ботинке, свивая из него петлю для соседа по вагону. Она как бы между прочим с силой щиплет за икры то ту, то эту даму, похожих одна на другую. Вот у этой вдовушки наверняка будут синяки. Дама, изуродованная таким способом, высоко подскакивает на месте, словно светлая струя фонтана, подсвечиваемого в ночное время и привлекающего всеобщее внимание, затем она кратко и точно обрисовывает свое семейное положение и переходит к угрозе, что оно,

это самое семейное положение, и прежде всего ее покойный супруг, самым ужасным образом отразится на ее мучительнице. Дама призывает полицию! Полиция не появляется, ведь сразу за всеми ей не уследить.

ОНА напяливает на лицо выражение музыкальной невинности. ОНА ведет себя так, словно находится в плену таинственных сил романтической музыки, требующей полной эмоциональной самоотдачи, и ни до чего другого ей нет дела. Глас народа выражает единое мнение: наверняка эта девочка с пулеметом под мышкой тут ни при чем. Как это уже бывало, глас народа и на сей раз заблуждается.

Иногда находится кто-то, кто в состоянии точнее оценить ситуацию, и вот результат. Он указывает на истинную преступницу:

– Ты это сделала!

ЕЕ спрашивают, что она может сказать в свое оправдание под лучами яркого солнца взрослой мудрости. ОНА молчит. Пломба, которую ей вшили под язык родители, эффективно препятствует тому, чтобы она выдала себя, сама того не ведая. Она не защищается. Часть пассажира набрасывается друг на друга, защищая от обвинений глухонемую. Чей-то трезвый голос утверждает, что скрипачка быть глухонемой никак не может. Окружающие не приходят к единому мнению и оставляют ее в покое. В их головах гуляет призрак веселой и шумной вечеринки в винном погребе, и на него расходуются целые килограммы интеллекта. Остаток соображения уничтожается алкоголем.

Страна алкоголиков. Город музыки. Взгляд этой девочки устремлен в необъятный мир высоких чувств, а ее обвинитель в лучшем случае слишком часто заглядывает в пивную кружку, и он робко умолкает под ее взглядом.

Просто протискиваться между ними – это ниже ЕЕ достоинства; устраивать давку – дело толпы, а не занятие для скрипачки и альтистки. В угоду своим маленьким радостям она идет даже на то, чтобы появиться дома позже положенного, пусть там и ждет мать с секундомером в руке и с грудой упреков. Она взваливает на себя этот дополнительный груз, хотя всю вторую половину дня музицировала и размышляла, играла на скрипке и высмеивала бездарей. Она хочет внушать людям страх и трепет – чувства, подобные этим, заполняют программки концертов в филармонии.

Зритель, пришедший в филармонию, использует строчки из концертной программки как повод, чтобы объяснить другому слушателю, сколь сильно содрогается его душа от скорби, пронизывающей эту музыку. Он только что прочитал об этом или о чем-то подобном. Скорбь Бетховена, скорбь Моцарта, скорбь Шумана, скорбь Брукнера, скорбь Вагнера. Эти скорбные чувства – его единоличная собственность, а он к тому же – владелец обувной фабрики Пошль или господин Дрислинг, оптовая торговля стройматериалами. Бетховен нажимает на рычаги страха, и они заставляют подпрыгивать весь робкий коллектив. Некая ученая дама-музыковед давно уже перешла со скорбью на «ты». Лет десять, как она пытается проникнуть в сокровенную тайну моцартовского «Реквиема». По сию пору она не продвинулась ни на шаг, ведь это произведение непостижимо. Нам его не постичь! По мнению ученой дамы, в истории музыки это самое гениальное произведение из тех, что были написаны на заказ, в этом она и еще несколько ей подобных совершенно уверены. Ученая дама принадлежит к тому узкому кругу избранных, которым известно, что есть вещи, не поддающиеся постижению вопреки всем самым настойчивым усилиям. Что здесь еще объяснять? Нельзя объяснить, как что-либо подобное могло возникнуть. Это касается и некоторых стихов, которые тоже не стоит подвергать анализу. Аванс за «Реквием» принес таинственный незнакомец в черной кучерской накидке. Ученая дама и те, кто видел фильм о Моцарте, знают: то была сама смерть! Вооружась этой мыслью, дама зубами прогрызает отверстие в оболочке, укрывающей одного из величайших людей, и втискивается в его нутро. В редких случаях бывает, что люди растут рядом с гением.

ЕЕ постоянно обступает масса гадких людишек. Постоянно кто-нибудь назойливо втискивается в поле ЕЕ восприятия. Толпа не только подчиняет себе искусство, не имея ни малейшего права на его приобретение, она еще и лезет в самого художника. Она устраивается в нем на жительство и немедленно прорубает несколько окон, чтобы и себя показать, и других посмотреть. Этот чурбан Дрислинг шарит своими потными пальцами по тому, что принадлежит ЕЙ одной. Никто не просил и не звал их подпевать, когда исполняют кантилены. Их обслонявленный указательный палец следует за исполняемой мелодией. Они пытаются отыскать соответствующую побочную тему, не находят и, кивая головой, удовлетворяются тем, что обнаруживают вновь повторяемую главную тему и распускают павлиний хвост, гордясь, что они ух какие знатоки. Для большинства главную прелесть в искусстве составляет узнавание того, что, как они считают, им хорошо знакомо. Волна чувств заливает господина, владеющего мясной лавкой. Он не в состоянии сопротивляться, хотя привык к кровавому ремеслу. Он застывает от изумления, он не сеет, не пашет, у него худо со слухом, но в концертном зале за ним могут наблюдать другие. Рядом восседают женские четвертинки его семьи, тоже пожелавшие посетить концерт. ОНА пинает пожилую даму в правую пятку. Для каждой новой музыкальной фразы она выбирает подходящую цель. Только ЕЙ дано направить все услышанное в нужную цель, в то место, которое ему соответствует. Она заливает своим презрением воплощенное невежество – этих блеющих ягнят, подвергая их тем самым наказанию. Ее тело – единственный вместительный холодильник, в котором искусство хорошо сохраняется. ОНА обладает необычайно восприимчивым инстинктом чистоты. Грязные тела окружают ее, как липкие от смолы дерева. ЕЕ обонянию, ЕЕ вкусовым ощущениям причиняют боль не только грязь их тел и нечистоплотность самого грубого рода, рвущаяся наружу из подмышек и промежностей, не только едва уловимый отвратительный запах старушечьей мочи и никотиновая вонь, просачивающаяся сквозь старческие поры, не только тяжелые испарения от неисчислимых гор самой дешевой пищи, вздымающиеся из их желудков; ей причиняют боль не только слабый восковой запах сукровицы и перхоти, исходящий от их голов, и едва уловимая, но ударяющая в натренированный нос вонь от микрочастиц их испражнений, скопившихся под ногтями, – все эти остатки бесцветных продуктов питания, сжигаемых организмом, этих серых, жестких, как кожа, сластей, которые они глотают, хотя вряд ли это приносит сладость. Нет, сильнее всего ее задевает то, как они гнездятся друг в друге, с каким бесстыдством присваивают друг друга. Они даже умудряются влезть в мысли другого, в самые сокровенные уголки его сосредоточенного внимания.

За это они понесут наказание. И сделает это ОНА. И все же ей никак не удастся избавиться от них. Она дерет их и треплет, как собака свою добычу. И все-таки они без спроса кишат у нее внутри, они рассматривают ЕЕ как свое нутро и осмеливаются утверждать, что они в нем не нуждаются, что оно им вовсе и не нравится! Они даже смеют утверждать, что им не нравятся Веберн и Шенберг.

Без всякого предупреждения мать свинчивает крышку ЕЕ черепа, самоуверенно запускает в него руку и роется там, что-то выискивая. Она поднимает все вверх дном и ничего не кладет на свое место. Поперебиврав немного, она достает часть вещей наружу, рассматривает под лупой и выбрасывает вон. Какие-то вещи мать расправляет, энергично трет щеткой, губкой и тряпкой. Затем все как следует протирает и снова ввинчивает крышку на место, словно вставляя нож в мясорубку.

Вон та пожилая женщина, которая только что села в трамвай, явно держится подальше от кондуктора. Она считает, что ей удастся спрятаться, утаить от него, что она вошла сюда, в этот вагон. Собственно, жизнь давно попросила ее на выход, и она сама это понимает. Платить больше нет смысла. Билет на тот свет уже лежит в ее сумочке. Он сгодится и для проезда в трамвае.

Какая-то женщина спрашивает у НЕЕ, как проехать туда-то и туда-то. ОНА не отвечает, хотя хорошо знает дорогу. Дама не успокаивается, прочесывает весь вагон, заставляя людей подниматься с сидений, чтобы высмотреть под ними нужную ей улицу. Она похожа на дикую странницу на лесных тропах, привыкшую тонкой тросточкой ворошить невинный муравейник, лишая его мирного покоя. Она провоцирует насекомых, и те прыскают в нее кислотой. Она из тех людей, что дотошно переворачивают каждый камень на пути, проверяя, нет ли под ним змей. Эта дама наверняка прочесывает любую, самую маленькую лесную опушку и прогалину в поисках грибов и ягод. Такие уж это люди. Из каждого произведения искусства им необходимо выжать все без остатка и все громогласно объяснить. В парке они смахивают носовым платком пыль со скамейки, прежде чем сесть. В ресторане они полируют салфеткой ложки и вилки. Костюм своего близкого родственника они, вооружась платяной щеткой, прочесывают в поисках волосков, пятен от помады, любовных записок. Дама громко дает выход своему возмущению: ей никто ничего не может сказать толком. Она утверждает, что ей нарочно не подсказывают дорогу. Дама возвышается над пассажирами как олицетворение непросвещенного большинства, которое одним свойством наделено в избытке – воинственным пылом. Если надо, она схлестнется с кем угодно.

ОНА сходит как раз на той остановке, про которую спрашивала дама, и окидывает приставучку язвительным взором.

До буйволицы доходит смысл ее взгляда, и глаза ее от гнева наливаются кровью. Вскоре она распишет этот отрезок собственной жизни подруге, угощающей ее говядиной с фасолью, и попытается удлинить жизнь на маленький промежуток, отведенный для рассказа, если бы время, пока она это рассказывает, не утекало, в свою очередь, столь же неумолимо. И дама тем самым лишает себя пространства для нового приключения.

ОНА несколько раз оборачивается в сторону совершенно сбитой с толку дамы, прежде чем привычным путем направиться к привычному дому. ОНА довольно ухмыляется, забывая, что через несколько минут ей суждено превратиться в горстку пепла под жарким пламенем материнской горелки, ведь она возвращается домой слишком поздно. Ей не дожидаться утешения от искусства, хотя о свойствах искусства много чего рассказывают, и прежде всего что оно – великий утешитель. Порой, однако, именно оно как раз и причиняет страдания.

Эрика – вересковый куст, цветущий в пустоши. Ее назвали по имени цветка. Ее матушке еще до рождения дочери пригрезилось в этом имени нечто кроткое и нежное. Когда она потом увидела выползающий из ее собственной утробы бесформенный комок глины, она – не мешкая – принялась энергично месить и обрабатывать его, стремясь сохранить чистоту и утонченность. Вот здесь надо отсечь лишнее и здесь тоже. Любое дитя инстинктивно тянется ко всякой грязи и дряни, если не оттащить его прочь. Мать очень рано выбрала для Эрики путь в сферы искусства, надеясь потом, в будущем, выжать деньгу из утонченности, добытой тяжким трудом, а середнячки пусть стоят себе вокруг, дивятся художественной натуре и рукоплещут. И вот наконец-то удалось придать Эрике должные лоск и трепетность, дочери остается только поставить свой музыкальный вагончик на рельсы и, не мешкая, заняться искусством. Такая девушка, как она, вовсе не создана для грубой работы, для тяжелого ручного труда, для домашних хлопот. Она рождена для тонкостей классического танца, для пения и музицирования. Пианистка с мировой славой – вот идеал, о котором мечтает мать. И чтобы ребенок смог проложить себе дорогу в мире, полном интриг и зависти, мать на каждом повороте прибавляет указатели, не упуская случая прибить и Эрику, когда та отлынивает от уроков. Мать предостерегает Эрику от завистливой толпы, постоянно стремящейся втоптать в грязь все, добытое огромным трудом, от толпы, в которой преобладает мужской пол. Не дай сбить себя с дороги! Эрике не дают передохнуть ни на одном рубеже, которого она достигает, ей нельзя перевести дыхание, опершись на ледоруб, потому что ее снова и снова гонят вперед и вверх. На новую высоту. Лесные звери приближаются к Эрике на опасное расстояние, намередаясь и ее низвести

до звериного уровня. Конкуренты норовят завлечь Эрику на крутой уступ, обещая прекрасный вид, – а оттуда так легко сверзиться вниз! Мать во всех деталях описывает пропасть, чтобы дитя поостереглось в нее шагнуть. На самой вершине царит мировая слава, которой мало кому удается достичь. Там дует холодный ветер, художник там одинок и не скрывает этого. Пока мать жива и способна ткать для дочери узоры ее судьбы, речь может идти только об одном – об абсолютных мировых высотах.

Мамочка подталкивает Эрику снизу, потому что сама она обеими ногами вросла в землю. И вскоре Эрика больше не касается родной материнской почвы, а стоит на спине конкурента, от которого удалось избавиться с помощью интриг. Очень шаткая опора! Эрика на цыпочках стоит на материнских плечах, натренированными пальцами впиваясь в вершину, которая опять оборачивается всего лишь очередным выступом на скале, и Эрика вновь и вновь напрягает мускулатуру, подтягиваясь все выше и выше. Вот ее нос торчит над кромкой, но она обнаруживает не вершину, а лишь новую скалу перед собой, еще более крутую, чем только что взятая с боем. Однако здесь, на этом рубеже, располагается филиал ледяной фабрики славы, хранящий свои продукты в огромных глыбах, чтобы сэкономить на складских помещениях. Эрика лижет ледышку славы, принимая свое выступление на школьном концерте за первую премию на шопеновском конкурсе. Она верит – еще несколько миллиметров, и она на самом верху!

Мать шпыняет Эрику, упрекая в излишней скромности. «Ты все время плетешься в хвосте! Если вежливо стоять в сторонке, то об успехе лучше забыть. Нужно постоянно держаться в первой тройке. Тому, кто приходит к финишу позже, прямая дорога на свалку». Так говорит мать, которая хочет, чтобы было как лучше, и не выпускает дочку на улицу, чтобы та ни в коем случае не участвовала в спортивной возне и не пренебрегала уроками музыки.

Эрика не любит бросаться в глаза. Она вежливо стоит в сторонке и ждет, чтобы за нее всего добивались другие, – плачется обиженная самка-мать. Мать горько причитает, что для ребенка ей приходится добиваться всего самой, и торжествуя кидается в гущу битвы. Эрика с большим достоинством держится в тени, не получая за это в подарок даже малой толики денег на лишние чулки или трусишки.

Всем друзьям и знакомым, хотя их и немного, потому что она от них давно и насовсем отгородилась, оберегая ребенка от постороннего влияния, мать усердно втолковывает, что она произвела на свет гениальное дитя. «Я все отчетливее это понимаю», – доносится из ее раскрытого клюва. Эрика гениальна в том, что касается обращения с фортепьяно: ее просто еще толком не заметили, а то бы Эрика давным-давно, подобно стремительной комете, вознеслась высоко над горами. Рождение младенца Иисуса по сравнению с этим гроша ломаного не стоит.

Соседи согласно кивают. Да-да, им нравится слушать, как девочка музицирует. Как будто по радио играют, и ни гроша платить не надо. Стоит только открыть окна и двери, как звуки влетают внутрь и проникают во все углы и закоулки, словно отравляющий газ. Соседи, негодующие из-за шума, производимого Эрикой, подстерегают ее на каждом углу, заклиная дать им покой. Мать убеждает Эрику, что все в доме в полном восторге от ее выдающихся артистических способностей. Эрику, словно густой плевок, несет на себе жидкий ручеек материнского восхищения. И она удивляется, когда слышит соседские жалобы. Мать ей о жалобах никогда не говорила!

С годами дочь превосходит мать в мастерстве смотреть на людей свысока. «Мама, какое нам дело до этих дилетантов, их суждения грубы, их восприятие незрело, в моей профессии имеют вес лишь специалисты». Мать возражает:

– Не гнушайся похвальным словом простых людей, способных слушать музыку сердцем и умеющих радоваться ей больше, чем все эти изнеженные, избалованные и заносчивые знатоки!

Сама мать в музыке ничего не понимает, однако упорно напяливает на ребенка музыкальную сбрую. Мать и дитя ведут друг с другом честный и ожесточенно-мстительный поединок, ведь дочери вскоре становится ясно, что в музыке она переросла мать. Мать поклоняется

ребенку как идолу, требуя одной только скромной платы взамен – всей его жизни целиком. Мать намерена с толком распорядиться жизнью дочери.

Эрике запрещают якшаться с простым людом, однако прислушиваться к его похвалам она обязана. Увы, специалисты Эрику не хвалят. Дилетантская судьба-злодейка, лишенная музыкального слуха, выбрала в любимчики Гульд и Бренделя, Аргерих и Поллини, и как их там еще зовут. Мимо фройляйн Кохут судьба все время проходит, непреклонно отворачивая лик свой. Судьбе угодно оставаться бесстрастной и не клевать на расфуфыренную личинку. Миловидной Эрику не назовешь. Пожелай она стать миловидной, мать бы ей это враз запретила. Напрасно Эрика тянет руки навстречу судьбе. Судьба не сделает из нее пианистку. Эрика сброшена на пол, словно стружка с верстака. Эрика не понимает, что с нею происходит, ведь она давно точно такая же, как все великие.

И вот однажды Эрику ждет полный провал на важном заключительном концерте в музыкальной школе, провал на глазах у собравшихся в зале родственников ее конкурентов и на глазах у матери, которая сидит тут сама по себе, выложив последние деньги за концертное платье для дочери. После случившегося мать награждает Эрику оплеухами, ведь даже совершенные профаны в музыке догадались о провале по лицу Эрики и по ее беспомощным, не знающим, куда себя деть, рукам. Для исполнения Эрика выбрала не какую-нибудь вещь, доступную разлившейся по залу толпе, а сыграла Мессиаана. Мать ее от этого выбора решительно предостерегала. Такими средствами ребенку не закрасться в сердца людей из толпы, которую мать и дитя всегда презирали: мать – потому что и сама была малой, незаметной частицей этой толпы, дочь – потому что никогда не хотела стать малой, незаметной ее частицей.

Под шиканье публики Эрика нетвердыми шагами покидает подиум, и ее, покрытую позором, получает и расписывается в получении та, кому она адресована, – родная мать. И ее учительница, в прошлом известная пианистка, не скупится на упреки, обвиняя Эрику в отсутствии концентрации. Она не воспользовалась огромным шансом, и этот шанс вряд ли выпадет еще раз. И скоро настанет день, когда никто не станет завидовать Эрике и никому она не будет желанна.

Ей не остается ничего другого, как перейти на положение учительницы музыки. Тяжелый шаг для пианиста-виртуоза, который вдруг оказывается в окружении толпы запинаящихся на каждой ноте новичков и тех, кто уже научился брать аккорды бездушно и бойко. Консерватории, музыкальные школы, частные уроки музыки терпеливо вбирают в себя тот материал, которому, собственно, место на свалке или, в лучшем случае, на футбольной площадке. Как и в прежние времена, молодых людей тянет к искусству, а многих тянут туда за руку родители, потому что сами родители в искусстве ничего не смыслят, разве что знают о его существовании. И этому ужасно рады! Многих искусство отталкивает прочь – надо же и меру знать! Меру, отличающую одаренного от бездарности, Эрика на своих уроках устанавливает с особой радостью; такая сортировка хоть сколько-то компенсирует ей все пережитое, ведь и ей пришлось в свое время оказаться среди козлиц, отделенных от овец. Ученики и ученицы Эрики представляют собой самую грубую смесь из всевозможных сортов, и никто до этого не попробовал их даже на кончик языка. Алая роза среди них – явление редкое. Мало из кого Эрике за год обучения удастся выжать Сонатину Клементи, в то время как большинство с хрюканьем роется в этюдах для начинающих Черни и отсеивается на промежуточном экзамене, потому что не в состоянии выискать ни зернышка, ни желудя, хотя родители считают, что их детишки уже питаются апельсинами.

С продвинутой группой, отличающейся прилежанием, Эрика занимается со смешанной радостью. Из этих учеников удастся извлечь сонаты Шуберта, «Крейслериану» Шумана, сонаты Бетховена – высшие достижения в жизни занимающихся по классу фортепьяно. Рабочий инструмент – рояль фирмы «Бёзендорфер» – сортирует грубую разнолоскую ткань,

а рядом стоит учительский «Бёзендорфер», на котором играет только Эрика, когда ученики разучивают пьесу для двух фортепьяно.

Через три года обучения возможен перевод в класс следующей ступени. Для этого надо сдать переходной экзамен. Основная работа по подготовке ложится на Эрику, которой придется разгонять вяло работающий двигатель ученика до максимальных оборотов, всюду давя на газ. Иногда ученик, подвергающийся такому разгону, толком не заводится, поскольку тянет его совсем к иным вещам, имеющим отношение к музыке лишь постольку, поскольку слова его, нашептываемые в девичье ушко, звучат словно музыка. Эрика такого не потерпит и чинит препятствия насколько может. Накануне экзамена Эрика вещает ученикам, сколь важно сыграть всю вещь с нужным настроением, и это много важнее, чем мелкие огрехи. Слова ее не достигают глухих ушей, замкнутых страхом. Ведь для многих ее учеников музыка предстает как лестница, ведущая из пролетарских низов к вершинам чистого искусства. Когда-нибудь они тоже станут учителями музыки. Они боятся, что во время экзамена их мокрые от пота, парализованные страхом пальцы, подгоняемые лихорадочным биением пульса, соскользнут не на ту клавишу. Пусть Эрика разглагольствует об интерпретации сколько ей заблагорассудится, уж сами-то они хотят только одного – отбарабанить всю вещь без запинки.

Мысли Эрики с радостью устремляются к Вальтеру Клеммеру, миловидному светловолосому парню, который с недавних пор приходит на урок раньше всех и вечером уходит последним. Эрике приходится признать, что он – усердный муравьишка. Он – студент технического вуза, изучает электрический ток и всякие его полезные свойства. В последнее время он терпеливо ждет, пока удалится последний ученик, ждет, начиная от первых осторожных прикосновений к клавишам до последнего всплеска шопеновской Фантазии фа-минор, опус № 49. Ведет он себя так, словно у него уйма свободного времени, что маловероятно для студента последнего курса. Однажды Эрика спрашивает, не хотел бы он как следует поупражняться в Шенберге, вместо того чтобы сидеть тут без дела. А по учебе ему тоже нечем заняться? Нет ни лекций, ни упражнений, ничего? Он говорит, что у него каникулы. Как же это она запомнила, ведь среди ее учеников много студентов. Каникулы музыкальные не совпадают с каникулами университетскими; строго говоря, от искусства вообще не бывает отпуска, и художнику это по душе.

Эрика удивленно спрашивает:

– Господин Клеммер, вы снова пришли раньше всех? Если разучиваешь шенберговский опус № 33-б, как вы, например, то вряд ли может доставить удовольствие музыка из песенника «Веселый тон, веселый звон». Что вас заставляет все это слушать?

Усердный Клеммер лжет, что пользу получить можно от всего и от всех, пусть и самую незначительную.

– Из всего можно извлечь пользу, – говорит этот обманщик, которому больше нечем заняться. Он уверяет, что у самого малого и невзрачного из своих собратьев при должной любознательности есть что перенять. Переняв, следует преодолеть, чтобы двигаться дальше. Ученику непозволительно останавливаться на малом и невзрачном, иначе будут вынуждены вмешаться его учителя.

Кроме того, молодой человек любит послушать, когда играет его учительница, все равно, будь то незатейливая мелодийка или сложные аккорды в си-мажоре. Эрика говорит:

– Не делайте комплименты своей старой учительнице, господин Клеммер.

Он отвечает:

– Кто сказал, что вы старая? Да и не комплимент это вовсе, а мое самое полное, самое глубокое и самое искреннее убеждение!

Иногда этот симпатичный парнишка выпрашивает дозволения позаниматься дополнительно, сверх положенного, ведь он такой усердный-преусердный. Он выжидательно глядит на учительницу, ловя ее указания. Он затаился в ожидании указующего перста. Учительница, гар-

цующая в недостижимых высях, осаживает молодого человека, едко замечая по поводу Шенберга:

– У вас снова получается не так хорошо, как хотелось бы.

Ученик с неподдельной охотой доверяет себя такой учительнице, даже если она смотрит на него свысока, твердо держа в руке поводья.

– Сдается мне, этот красавчик в тебя втюрился, – раздраженно язвит мать, когда однажды заходит за Эрикой в консерваторию, чтобы совершить с ней прогулку по центральной части города – под ручку, причудливо сросшись друг с другом в одно целое. Погода подчиняется взмаху их дирижерской палочки. В витринах магазинов выставлено много такого, чего Эрике ни в коем случае не стоит видеть, поэтому мать и зашла за ней сегодня. Элегантные туфли, сумочки, шляпки, украшения. И мать увлекает Эрику в боковые улицы под надуманным предлогом, будто намерена подольше погулять при такой чудесной погоде. В парках всюду расцвели цветы, прежде всего тюльпаны и розы, которым тоже не стоит покупать себе одежды. Мать рассказывает Эрике о естественной красоте, которой не нужны никакие искусственные украшения. «Она сама по себе прекрасна, как и ты, Эрика. К чему все эти побрякушки?»

И вот они уже приближаются к восьмому району, манящему к себе домашним теплом нужника и свежим сеном в кормушке. Мать облегченно вздыхает и буксирует дочь мимо витрин модных лавок прямо к посадочной полосе улицы Йозефшtedтерштрассе. Мать радуется тому, что прогулка вновь не стоила ей никаких расходов, разве что подошвы слегка износились. Пусть лучше пострадают подошвы, чем терпеть, чтобы о мадам и мадемуазель Кохут вытирали ноги.

В этом районе, если говорить о его постоянных обитателях, живет довольно пожилой люд. В основном немолодые женщины. По счастью, пожилая мамаша Кохут вовремя обзавелась молоденьким дополнением, которым гордится и о котором всячески заботится, пока смерть не разлучит их друг с другом. Лишь смерть способна их разъединить, и имя смерти, как название порта приписки, начертано на Эрике, на этом довеске к материнскому багажу. Время от времени по району прокатывается серия убийств, и смерть приходит к нескольким старухам, гнездящимся в своих лисьих норах, доверху набитых старым барахлом. Лишь одному богу известно, куда подевались их сберкнижки, известно это и трусливому убийце, хорошенько пошарившему под матрацами. И украшения, несколько дорогих вещиц, тоже куда-то подевались. Сыну, единственному наследнику столового серебра, не достается ничего. Восьмой район Вены – самый популярный в хронике убийств. Ведь так легко дознаться, где проживает та или другая старуха. Фактически в каждом доме, на посмешище соседям, живет такая древняя бабуля и послушно открывает дверь человеку, назвавшему себя газовщиком и спрятавшемуся под официальной маской. Уж сколько раз их предупреждали, ан нет, они по-прежнему распахивают настежь и душу, и дверь, ведь они – люди одинокие. Пожилая фрау Кохут рассказывает об этом своей дочери, чтобы отпугнуть ее от намерения когда-нибудь оставить мать одну.

А еще здесь живут мелкие чиновники и тихие служащие. Детей совсем мало. Во дворах цветут каштаны, и в Пратере снова деревья в цвету. В Венском лесу уже зеленеет виноград. Кохутам приходится махнуть рукой на свои мечты как-нибудь всем этим насладиться, ведь машины у них нет.

Однако они частенько едут на трамвае до какой-нибудь конечной остановки, заранее тщательно выбранной, выгружаются на ней вместе с другими пассажирами и совершают бодрые прогулки на природе. Мать и дочь, смахивающие на развеселых тетушек Чарли Франкенштейна. У каждой рюкзак за спиной. На самом деле рюкзак несет только дочь, и в нем немногочисленный материнский скарб, укрытый от любопытных глаз. Простенькие башмаки с крепкими подошвами. Не забыты накидки от дождя, как советует путеводитель для пеших туристов. Запас карман не трет. Обе дамы бодро шагают босиком. Петь они не поют, ведь они в музыке хорошо разбираются и не хотят осквернять ее своим пением.

– Ну прямо как в книжках Эйхендорфа, – щебечет мамочка, – ведь все дело в духовности, в особом отношении к природе!

Дело не в самой природе. Этой духовностью обе дамы наделены сполна, они умеют радоваться природе, где бы ее ни узрели. Попадется по пути струящийся ручеек – и они тотчас зачерпывают свежую водичку и пьют. Будем надеяться, что косули туда не написали. Встретится толстый ствол дерева или густой подлесок – можно и самим присесть пожурчать, и одна сторожит другую, чтобы не появился какой нахал и не стал подсматривать.

За этими занятиями и мать, и дочь Кохуты заправляются энергией на новую рабочую неделю, в течение которой матери особо заняться нечем, а из дочери ученики высасывают все соки.

– Тебе снова трепали сегодня нервы? – каждый раз спрашивает мать Эрику, когда несостоявшаяся пианистка возвращается домой.

– Нет, все в порядке, – отвечает дочь, не потерявшая еще надежду, которую мать усердно принимается развинчивать на мелкие части. Мать жалуется на отсутствие у дочери честолюбия. Эту фальшивую песенку дочери приходится выслушивать уже лет тридцать подряд. Дочь делает вид, что еще не потеряла надежду, хотя знает – если ее что-то еще и ждет впереди, так это звание профессора. Впрочем, она этим званием уже потихоньку пользуется, хотя по правилам его присуждает президент страны собственной персоной. По случаю скромного юбилея, за долголетнюю службу. А потом – впрочем, и это не за горами – наступит и пенсионный возраст. Венский магистрат в этом вопросе довольно щедр, однако того, кто работает в сфере искусства, сообщение о пенсии поражает, словно удар молнии. В кого она попадет, тому мало не покажется. Венский магистрат насильно останавливает эстафету передачи искусства от одного поколения к другому. Обе дамы говорят, что ждут не дождутся, когда Эрику отправят на пенсию! Они строят большие планы. К тому времени они полностью обставят собственную квартиру и выплатят ссуду. И купят где-нибудь в Нижней Австрии участок земли, чтобы построить свой дом. Домик свой, хоть небольшой, но построенный с душой. Наша сила в наших планах. Позаботишься в молодости, порадуешься в старости. Матери к тому времени исполнится сто лет, но она наверняка будет еще крепкой.

В Венском лесу под лучами солнца ярко вспыхивает листва на склоне.

То тут, то там робко выглядывают весенние цветы, мать и дочь рвут их и укладывают в пакет. Так этим выскочкам и надо. Поспешишь – людей насмешишь. Мамаша Кохут тут как тут. *Эти цветочки будут прекрасно смотреться в нашей вазе из светло-зеленого стекла, той самой, из Гмундена, правда, Эрика?*

Девочку-подростка содержат в заповеднике, зорко сторожа от всяких охотников. Ее стерегут от дурных влияний и прячут от искушений. От работы ее не берегут, берегут только от развлечений. Мама и бабушка, женский батальон, стоят с оружием «на караул», чтобы защитить девочку от мужчин-охотников, подстерегающих ее снаружи, а при необходимости дать им от ворот поворот, прибегнув к силе. Две старые женщины с давно заросшими и увядшими щелями бросаются под каждого мужчину, чтобы он, не дай бог, не добрался до их телочки. Обе старухи бряцают своими окаменевшими, подобно силикату, половыми губами, тщетно пытаясь уловить ими добычу, как клешнями полумертвого жука-рогача. Вот и трутся они о свежую плоть своей дочери и внучки, медленно разрывая ее на части, а панцирями прикрывая от других, что способны вторгнуться на эту территорию и отравить молодую кровь. Ребенок окружен соглядатаями, которые не спускают с него глаз, куда бы он ни отправился, и за чашечкой кофе с уютностью и приятством докладывают о результатах наблюдений женщинам, ответственным за его воспитание. Они рассказывают обо всем подряд, поощряемые домашней выпечкой. А потом разведчицы сообщают, что видели драгоценное дитя у старой плотины в обществе студента из Граца! Ребенка с этой минуты больше не выпускают из домашнего кокона, пока дитя не исправится и не отвадит ухажера.

Бабушкин деревенский дом смотрит окнами вниз, в долину, в которой живут шпионки, а те, в свою очередь, по привычке смотрят вверх в полевые бинокли. Они забывают лишний раз подмести перед своим крыльцом, забрасывают хозяйство, когда наконец из столицы приезжают на лето обитатели дома. По лугу струится ручей. Обзор наблюдателю вдруг закрывает огромный куст орешника, и невидимый ручей там, за кустом, течет уже по соседскому лугу. Слева от дома круто вверх поднимается горный луг, заканчиваясь лесом, часть которого принадлежит им, а часть – государству. Наступающие со всех сторон хвойные леса сужают поле обзора, но что касается соседей, то они как на ладони, да и соседи видят, что у тебя творится. Коровы бредут на выгон по тропинкам. За домом слева – заброшенная землянка угольщика, справа – лесопосадки и лесосека, усыпанная земляникой. Прямо над домом облака, птички, а совсем высоко – коршуны и ястребы.

Коршун-мама и ястреб-бабушка запрещают опекаемому ими ребенку покидать пределы гнезда. Они режут ЕЕ жизнь на полоски, а соседки полощут их в грязной воде пересудов. Каждую клеточку, в которой еще шевелится жизнь, объявляют гнойной и безжалостно вырезают из тела. Чем без дела болтаться, лучше толком упражняться. Внизу, у плотины, носится молодежь. ЕЕ тянет туда. Парни громко хохочут, сбиваются в ватаги. Там, среди деревенских простушек, ОНА могла бы блистать. Блистать – этому ее дома натаскивали. Ей вколотили в голову, что она центр вселенной, вокруг которого все вращается, и ей всего-то и нужно, что стоять спокойно, и сразу же явятся спутники и станут ее боготворить. Она знает: она лучше всех, ведь ей столько раз об этом твердили. Однако испытать это знание ей не позволяют.

Она с отвращением прижимает скрипку подбородком к плечу, поддерживая инструмент воздетой рукой. На улице всю улыбаются солнце, зовя купаться. Солнце манит раздеться прямо на глазах у людей, но старухи в доме это категорически запрещают. Пальцы левой руки сильно, до боли, прижимают стальные струны к деке. Из тела инструмента под пытками, с натужным кряхтением, вырывается дух Моцарта. Дух Моцарта исторгает вопли из адских глубин, потому что исполнительница не ощущает ничего, но при этом беспрестанно старается извлечь звуки. Звуки со скрежетом и визгом исторгаются из инструмента. Критики ЕЙ опасаться не нужно, главное, чтобы что-то звучало, ведь это знак того, что дитя по звуковой лесенке аккордов поднимается в высшие сферы, а ее тело, словно мертвая оболочка, осталось внизу. Стянутую оболочку тщательно досматривают на предмет наличия следов мужчины, а потом энергично вытряхивают. Окончив играть, она может надеть на себя свое тело свежим, как следует высушенным и накрахмаленным до скрипа. Бесчувственным и недоступным чувствам других.

Мать едко замечает, что ОНА, если ей только позволить, больше думает о молодых людях, а не о музыке. Рояль, который стоит в доме, приходится заново настраивать каждый год – в этом суровом альпийском климате он быстро теряет свое хорошее настроение. Настройщик приезжает из Вены, приезжает поездом и, тяжело дыша, тащится в гору, где, как утверждают эти сумасшедшие, якобы стоит рояль, там, в тысяче метров над уровнем моря! Настройщик предрекает, что на этом инструменте можно пахать еще год, ну от силы два, а потом его потихоньку сожрут ржавчина и плесень. Мать заботится, чтобы инструмент пребывал в хорошем настроении, она потуже закручивает колки на дочери, не слишком заботясь о настроении ребенка, а тревожась только о материнском влиянии на этот строптивый, легко ранимый, живой инструмент.

Мать настаивает на том, чтобы окна были открыты настежь, когда дочь «дает концерт», получая сладкую награду за примерные занятия. Соседи тоже должны получить свою порцию удовольствия от нежных мелодий. Бабушка и мать, вооруженные биноклем, ревниво следят, сидит ли соседка вместе со всей родней на скамеечке перед своей хибаркой и слушает ли она как следует. Соседка продает им молоко, творог, масло, яйца и овощи, поэтому ей приходится сидеть перед домом и слушать. Бабушка довольна, что пожилая соседка наконец-то отставила

в сторону все свои повседневные хлопоты и, сложив руки на коленях, слушает разливающиеся звуки. Она всю жизнь этого ждала. Наконец-то в старости дождалась. Ой, ну так красиво, так красиво! Гостиющие у них дачники тоже сидят рядом и вслушиваются в Брамса.

– В обмен на качественное парное молоко, – радостно чирикает мать, – вы получите качественную и свежую музыку.

Сегодня для хозяйки крестьянского двора и для ее гостей ребенок исполняет Шопена, недавно к ней привитого. Мать напоминает, что ребенок должен играть как можно громче, потому что соседка глуховата. И так, соседи слушают новую мелодию, доселе им неизвестную. Им дозволено будет слушать ее еще не один раз, пока они не начнут узнавать эту вещь с закрытыми глазами. И дверь мы тоже распахнем настежь, чтобы было как следует слышно. Грязный прибор классической музыки пробивается сквозь все щели дома и низвергается по склону в долину. У соседей такое чувство, словно они совсем рядом с музыкой. Им стоит только рот раскрыть, как парное молоко Шопена потечет им в глотку. А потом потечет и Брамс, музыкант для неудовлетворенных, в особенности для женщин.

Она собирается со всеми силами, напрягает крылья и бросается вперед, прямо на клавиши, которые стремительно несутся ей навстречу, как земля летит навстречу терпящему катастрофу самолету. Те ноты, которые она не в состоянии взять с первого захода, она просто пропускает. Эта утонченная месть ее ничего не смыслящим в музыке мучительницам вызывает в ней слегка щекочущее удовлетворение. Дилетант пропущенной ноты не заметит, однако неверно взятая нота заставляет отпускников вскочить со своих шезлонгов. Что такое несется отсюда, сверху? Они каждый год платят хозяйке немалые денежки, платят за деревенскую тишину и покой, а тут с холма доносится оглушительная музыка.

Обе опекуны-отравительницы внимательно прислушиваются к своей жертве, из которой, словно пауки, почти высосали всю кровь. Пауки-крестовики в сельских нарядах, с разноцветными фартучками поверх платьев. Даже платья они жалеют больше, чем свою пленницу. Они нежатся на солнце своей похвальбы, какой-де скромной останется их дитяtko, хотя и сделает мировую карьеру. Дочку и внучку до поры до времени прячут от большого мира, чтобы потом она стала его собственностью, как сейчас принадлежит мамуле с бабушкой.

«Смотри, как много публики снова собралось! Человек семь, не меньше, там, внизу, в разноцветных шезлонгах. У тебя настоящий экзамен». Однако что доносится снизу, когда поток брамсиады заканчивается? Там, внизу, из глоток этих наглых курортничков, словно в ответ на только что услышанное, раздается оглушительный взрыв смеха. Над чем они так поидиотски смеются? Неужели у них нет ни капли уважения? Мать и дочь, с бидонами наперевес, шагают вниз, чтобы во имя Брамса совершить карательный поход против насмешников. Отпускники пользуются случаем и жалуются на шум, который нарушает тишину природы. Мать резко отвечает, что в сонате Шуберта намного больше лесной тишины и покоя, чем в самой лесной тишине. Да разве им втолкуешь? Презрительно отвернув от них лицо, мать вместе с деревенским маслом и в сопровождении своей плоти от плоти снова карабкается на одинокую гору. Рядом с ней гордо вышагивает дочь, неся бидон с молоком. Они вновь покажутся на людях лишь следующим вечером. А гости еще долго толкуют промеж собой на любимую тему – о сортах деревенского шнапса.

ОНА ощущает себя исключенной отовсюду, ведь ее отовсюду исключают. Другие шагают дальше, даже перешагивая через нее. Она представляет собой незаметное препятствие. Путник уходит прочь, а она, словно промасленная бутербродная бумага, остается на обочине, где ее время от времени шевелит ветер. Бумаге суждено остаться здесь навсегда, пожелтеть, размокнуть и расползтись. Это длится не первый год. И один год похож на другой.

В гости приехал ее двоюродный брат, наполнив весь дом движением и жизнью. И не только своей жизнью, но еще и чужой, незнакомой, к которой все тянутся, как мотыльки к пламени. Он – студент-медик, и его живой и задорный нрав, его спортивные навыки притягивают к

нему местную молодежь. Он любит травить медицинские анекдоты, и местные ласково кличут его «парнишка», ведь он парень что надо, с юмором. Он, словно скала, вздымается над кипящим вокруг него прибоем местной молодежи, которая готова подражать ему во всем. В доме неожиданно поселилась жизнь, ведь мужчина всегда приносит жизнь в дом. Женщины, снисходительно улыбаясь, но и не без гордости, смотрят на молодого человека, которому по праву положено перебеситься. Они лишь предостерегают его от женщин-гадючек, которые только и мечтают, чтобы на них потом женились. Этот молодой человек предпочитает беситься перед лицом общественности, ему нужна публика, и она у него есть. Даже ЕЕ строгая мать позволяет себе улыбнуться. Ведь в конце-то концов молодому мужчине предстоит путь в далекую и незнакомую жизнь, а вот ее дочери предстоит умереть, надорвавшись от музыки.

Парнишка любит разгуливать в очень узких плавках, и, что касается девушек, ему нравятся самые смелые бикини, только что вошедшие в тогдашнюю моду. Вместе с друзьями он придирчиво измеряет то, что девушка может ему предложить, и насмехается над тем, чего она предложить не может. С деревенскими девушками парнишка любит играть в бадминтон. Он старается обучить девушек этому искусству, требующему в первую очередь большой сноровки. Он с удовольствием показывает очередной ученице, как надо держать ракетку, а ее при этом бросает в краску из-за очень узкого бикини. На модный купальник она накопила из своей зарплаты: она работает продавщицей. Девушка мечтает выйти замуж за врача и демонстрирует свою фигуру, чтобы будущий врач знал, что ему достанется. Ему не придется покупать kota в мешке. Парнишкины гениталии с трудом помещаются в мешочке, к которому прикреплены два шнурка, обхватывающие его бедра и завязанные на две петли, слева и справа. Завязаны они небрежно, он ведь не придает этому особого значения. Иногда шнурочки развязываются, и парнишка снова их затягивает. Такие вот мини-плавки.

Но больше всего молодой человек здесь, на горе, где он пожинает всеобщее восхищение, любит демонстрировать борцовские приемчики. Он владеет и несколькими сложными захватами дзюдо. Он любит блеснуть борцовской новинкой. Против его захватов не выстоит ни один дилетант, ничего в этой борьбе не понимающий и быстро оказывающийся на земле. Из глоток зрителей исторгается радостный гогот, и тот, которого уложили на землю, добродушно смеется вместе со всеми, чтобы не стать мишенью для насмешек. Девушки падают парнишке под ноги, как спелые плоды с дерева. Ему, этому юному спортсмену, остается только поднять их с земли и слопать. Девушки звонко визжат, зорко следя за собой и используя выгоду ситуации. Они хихикают, скатываясь с пригорка, они визжат, когда их роняют на гравий или в лопухи. Молодой человек стоит над поверженными и празднует триумф. Девушку, которая на это соглашается, он берет за запястья и с силой пригибает к земле. Он применяет тайный захват. Толком не разобрать, как это у него выходит, однако девушка, подвергнувшаяся испытанию, под воздействием грязного приемчика и мужской силы вынуждена опуститься перед парнишкой на колени. Отчасти он принуждает ее, отчасти она опускается сама. К ней не он, она к нему бежит. Кто способен устоять перед молодым студентом? Если он находится в особо хорошем расположении духа, он позволяет девушке, ползаящей перед ним, поцеловать ему ногу, а то он ее не отпустит. Ему целуют ноги, и покорная жертва при этом лелеет надежду, что будут и другие поцелуи, более сладкие, когда ты целуешься и тебя целуют втайне от других.

Солнечные лучи гуляют по головам. Из маленького плоского бассейна поднимается фонтан сверкающих брызг. ОНА сидит за роялем и не обращает внимания на залпы смеха, волнами докатывающиеся вверх. ЕЕ мать настойчиво советует не обращать внимания. Мать стоит на ступенях веранды и смеется, она смеется и держит в руке тарелку с выпечкой. Мать говорит, что молодость бывает лишь однажды, но в общем гаме никто ее не слышит.

Одним ухом ОНА все время прислушивается к возне, которую устраивает ее двоюродный брат вместе с девушками. Она слушает, как он вгрызается в упругое тело времени своими крепкими зубами, с аппетитом его заглатывая. ЕЙ время с каждой секундой причиняет все

более сильную боль, ее пальцы, словно часовой механизм, вколачивают секунды в клавиши. На окнах комнаты, в которой она занимается, установлены решетки. Тень от решеток похожа на крест, который выставляют перед вампиром, пасущимся там, снаружи, и готовым высосать из нее кровь.

Молодой человек с разбегу прыгает в бассейн, чтобы остудиться после трудов праведных. Студеную воду только что напустили из колонки, и окунуться в нее решается лишь храбрец, которому принадлежит весь мир. Отфыркиваясь и выпуская струю, словно кит, парнишка снова появляется на поверхности. Она видит это, не глядя на него. Под восторженные крики все новоиспеченные подружки будущего врача, сколько их там поместится, бросаются к нему в бассейн. Вот уж действительно где потеха, и брызги, и возня.

– Они парнишке все готовы спустить, – смеется мать. Она снисходительна. И старая бабушка торопливо ковыляет во двор, чтобы не пропустить эту забаву. Древнюю бабулю тоже обрызгивают водой, ведь для парнишки нет ничего святого, даже к старости он почтения не испытывает. Однако бабуля лишь весело смеется над студенческими забавами шустрого внука-мужичка. Мать делает ему строгое замечание, ведь он полез в воду, не остыв как следует после беготни, но в конце концов и она смеется против своей воли, смеется веселее всех. Ее сотрясает от смеха, она заходится от хохота, когда паренек начинает очень правдоподобно изображать тюленя. Нутро матери сотрясается и издает такие звуки, словно в ней перекатываются стеклянные шарики. Парнишка подбрасывает вверх старый мяч и пытается поймать его носом, однако жонглировать ему не удается. Все помирают со смеху, все просто покатываются, так что слезы текут. Кто-то из парней издает громкую руладу. Кто-то кричит «йохо-йохо», как принято здесь в горах. Скоро обед. Освежаться лучше перед обедом, а не после еды – это опасно для здоровья.

Последний звук рояля затихает, отзвучав. Ее жилы расслабляются, прозвенел звонок будильника, собственноручно установленного матерью. Она вскакивает, оборвав игру на полупhrase, и бежит на улицу, полная сложных молодых чувств, чтобы по возможности хоть напоследок застать общее веселье, пение и толкотню. Двоюродную сестру встречают на улице с пониманием. Снова пришлось долго заниматься? Пусть мать даст ей передохнуть, ведь каникулы на дворе. Мать не позволит дурно влиять на ребенка. Парнишка, а он не курит и не пьет, впивается зубами в хлеб с колбасой. И хотя обед вот-вот будет готов, пожилые дамы не могут отказать своему любимцу в куске хлеба. Парнишка щедро льет малиновый сироп – малину они сами собирали – в полулитровый стакан, добавляет воду из колонки и опрокидывает содержимое в глотку. Теперь он подкрепился. Он с удовольствием хлопает ладонью по мускулистому животу. Он хлопает себя и по другим мускулам. Мать и бабушка часами обсуждают здоровый аппетит парнишки. Они стремятся превзойти друг друга в кулинарных подробностях, целый день проводя в спорах о том, что парнишке больше нравится – телячий или свиной шницель. Мать спрашивает племянника, как дела с учебой, и племянник отвечает, что об учебе он хочет на время забыть. Ему хочется насладиться своей молодостью, дать выход энергии. Когда-нибудь потом ему придется вздохнуть, что юность давно миновала.

Парнишка кладет на НЕЕ глаз и советует немножко развеселиться. Почему Она такая серьезная? Ей советуют заняться спортом, который дает повод для веселья и вообще влияет положительно. Двоюродный брат громко смеется, радуясь этому, смеется так громко, что из его пасти во все стороны летят крошки хлеба. Парнишка аж стонет от удовольствия. Он потягивается во всю мочь. Он вертится вокруг собственной оси, словно волчок, и падает на луговую траву как подкошенный. И тут же вновь вскакивает на ноги, – за него не бойтесь. А теперь настало время показать крошке-кузине, чтобы ее развеселить, один запатентованный приемчик. Кузина этому очень рада, а вот тетя злится.

И вот, прости-прощай, ее уже несет куда-то вниз. Путешествие, из которого нет возврата. Она складывается вдоль своей оси: письмо бросают в ящик, лифт устремляется вниз. В глазах

ее стремительно вращаются деревья, маленькая веранда с дикой изгородью из роз, люди, что стоят вокруг. Потом все исчезает из виду. Ее поднимают вверх. От сдавленных ребер перехватывает дыхание, лицо скользит по парнишкиной грудной клетке, покрытой волосами, горизонт смещается, в поле обзора попадают тесемки от плавок, удерживающие мешочек с мошонкой. Сразу за этим перед ее глазами неумолимо возникает маленький холмик, красная гора Эверест, затем, крупным планом, густой пушок светлых волос на бедрах. Лифт резко останавливается. Первый этаж. Где-то сзади, в спине, резко трещат ее косточки, скрипят суставы, сильно сдавленные. Парнишке снова удалось справиться с девчонкой. Во время летних каникул она стоит на коленях перед своим двоюродным братом: одно каникулярное дитя перед другим. Легкая поволока слез блестит на ЕЕ лице, которое она поднимает, чтобы взглянуть на расплывшуюся в смехе маску, готовую вот-вот лопнуть по швам. Этот проказник легко с ней справился и очень радуется своей победе. Ее втаптывают в землю на горном лугу. Мать поднимает крик: как это местные позволяют себе так обращаться с ее одаренной дочерью, которой все восхищаются?

Красный мешочек, наполненный плотью, приходит в движение, он соблазнительно колыхается перед ЕЕ глазами. Он принадлежит искусителю, перед которым ни одна устоять не может. На какой-то миг она прижимается к нему щекой. Сама не знает, как получилось. Ей хочется ощутить его, ей хочется хоть разок коснуться губами этой сверкающей елочной игрушки. ОНА на одну короткую секундочку становится обладательницей этого мешочка. Ей он адресован. ОНА проводит по нему губами. Или только подбородком? Это происходит помимо ее воли. Парнишка не догадывается, что вызвал в кухне неуправляемую лавину. Она смотрит и смотрит. Мешочек похож на препарат, расплавленный под микроскопом. Остановись, мгновенье, ну пожалуйста, ты так прекрасно.

Никто ничего не заметил. Все столпились вокруг еды. Паренек сразу отпустил ее и отступил на шаг назад. Из-за некоторых обстоятельств дело сегодня не дойдет до обряда целования ног, чем обычно завершается это упражнение. Он слегка напряжинувается, слегка подпрыгивает на месте и огромными прыжками уносится прочь, громко смеясь. Луг проглатывает его, женщины зовут его обедать. Паренек смылся, он выпрыгнул из гнезда. Он не отвечает. Скоро он совсем скроется из виду, за ним мчатся во всю мочь его деревенские приятели. Дикая охота уносится прочь. В его отсутствие мать мягко журит парнишку за необузданные выходки. Мать так старалась.

Парнишка вновь объявляется только поздно вечером. Повсюду уже царит тишина, и лишь у ручья заливается соловей. Все собрались на веранде и играют в карты. Ошалелые мотыльки выются вокруг керосиновой лампы. ЕЕ не тянет к свету. ОНА в одиночестве сидит в своей комнате, обособившись от толпы, которая о ней забыла, потому что она весит слишком мало. Она ни на кого не давит. Она тщательно разворачивает многослойный пакет и достает бритву. Она всегда и повсюду носит ее с собой. ОНА осторожно проверяет лезвие, острое, как и положено лезвию бритвы. Потом она несколько раз с силой проводит бритвой по тыльной стороне ладони, однако не слишком сильно, чтобы не перерезать жилы. Боли вообще не чувствуется. Металл входит в нее как в масло. На секунду в мягкой ткани раскрывается узкая щель, словно в копилке, и потом наружу изливается с трудом укрощенная кровь. Всего она сделала четыре надреза. Этого достаточно, иначе она истечет кровью. Она протирает бритву и снова прячет ее в пакет. Алая кровь непрерывно течет из ран и пачкает все на своем пути. Кровь струится теплой и тихой струйкой – это даже приятно. Она такая жидкая, эта кровь. Она течет непрерывно. Она все вокруг окрашивает в красный цвет. Она течет из четырех надрезов, не останавливаясь. На полу и на постели четыре маленьких ручейка сливаются в стремительный поток. Следуй за слезой моей, до ручья дойдешь скорей. Натекает маленькая лужа крови. А кровь все течет и течет. Она течет и течет, течет и течет.

Учительница Эрика, как всегда привлекательная, без всякого сожаления покидает место своих музыкальных занятий. Ее незаметный уход сопровождается звуками горнов и фанфар,

разрозненным пиликаньем скрипок, несущимся из окон. Несущимся ей вдогонку. Эрика неведомо порхает по ступеням лестницы. Сегодня мать ее не дожидается. Эрика сразу же целенаправленно отправляется в ту сторону, в которой она бывала уже не раз. Эта дорога не ведет ее прямо домой: вполне возможно, что где-то там ее подстерегает роскошный волк, злой волчище, который стоит, прислонившись к телеграфному столбу, и выковыривает из зубов остатки мяса своей последней жертвы. Эрика намерена установить новую веху в своей довольно прямолинейной жизни и приманить волка взглядом. Она заметит его еще издали, услышит, как рвется ткань и лопается кожа. Это произойдет поздно вечером. Из тумана музыкальных полуистин ей навстречу выступает настоящее приключение. Эрика целеустремленно шагает вперед.

Распахиваются и снова смыкаются ущелья улиц, потому что Эрика никак не решится нырнуть в них. Она лишь неподвижным взором смотрит прямо перед собой, когда какой-нибудь мужчина вдруг подмигивает ей. Это вовсе не волк, и ее тело не реагирует, оно застывает как сталь. Эрика дергает головой, как огромная голубка, и мужчина сразу проходит мимо, не задерживаясь на месте. Мужчина напуган тем оползнем, который он вызвал. Мужчина выкидывает из головы мысль о том, чтобы попользоваться этой женщиной или взять ее под свое крыло. Эрика придает лицу заносчиво-заостренное выражение; все – нос, губы и прочее – превращается в стрелку указателя, который пронзает эту местность и всем своим видом показывает: только вперед! Стайка подростков отпускает нелестные замечания по поводу дамы. Они не подозревают, что имеют дело с госпожой учительницей, и не выказывают ей должного почтения. Плиссированная клетчатая юбка аккуратно и точно прикрывает колени: ни миллиметром ниже, ни миллиметром выше. Еще на Эрике шелковая блузка с пуговицами, которая полностью закрывает верхнюю часть тела. Папка с нотами, как всегда, зажата под мышкой, молния на ней аккуратно застегнута. Эрика закрыта на все мыслимые замки и застежки.

Проедем несколько остановок на трамвае: он идет на окраину города. Маршрут выходит за пределы городской зоны, и Эрика покупает дополнительный билет. Обычно она сюда не ездит. Это район, в который без особой необходимости стараются не попадать. Из ее учеников тоже мало кто здесь живет. Тут не привыкли к музыке, которая звучит дольше, чем крутится пластинка в музыкальном автомате.

Из небольших харчевен на перекрестках улиц уже падает свет на тротуар. На пяточках под фонарями группки ссорящихся людей: должно быть, кто-то кому-то сказал что-нибудь поперек. Эрике предстоит увидеть многое из того, что ей еще неизвестно. То там, то сям заводят мопеды, и моторы неожиданным и трескучим ревом наполняют воздух. Мопеды стремительно уносятся, словно их седоков где-то ждут. В общинном центре, к примеру, где сегодня проводят культурное мероприятие и откуда владельцев мопедов сразу погонят прочь, потому что они нарушают мир и покой. Чаще всего на слабосильном мопеде восседают два ездока, чтобы место зря не пропадало. Не у каждого есть мопед. Малолитражки здесь, в этих краях, обычно набиты доверху. Частенько в самой гуще родственников гордо восседают прабабушка – ее везут прогуляться по кладбищу.

Эрика сходит с трамвая, дальше она идет пешком. Она не смотрит ни налево, ни направо. Служащие запирают двери супермаркета, перед которым, словно ритмично работающие моторы, гудят последние покупательницы. Обладательница дисканта убеждает обладательницу баритона, что виноград сегодня довольно заплесневелый. Особенно на самом дне пластмассовой упаковки. Поэтому она не стала его брать, о чем во все горло дребезжащим голосом оповещает других, вываливая на них кучу мусора из жалоб и упреков. За закрытыми стеклянными дверями возится с кассовым аппаратом кассирша. Никак не сходится итог дневной выручки. Ребенок на самокате, а за ним другой, бегущий рядом и плаксиво бубнящий, что он теперь тоже, как договаривались, хочет прокатиться. Ребенок с самокатом игнорирует просьбы своего менее уважаемого приятеля. В других районах таких самокатов уже больше не увидишь, – приходит в голову Эрике. Когда-то давно ей тоже подарили такой,

и она очень радовалась. Правда, ей тогда не разрешили на нем кататься, потому что улица для ребенка полна опасностей.

Мамаша отвечает оглушительную оплеуху четырехлетней дочке, и у той едва не отлетает голова, какое-то время беспомощно болтаясь туда-сюда, словно кукла-неваляшка, которая потеряла равновесие и поэтому прилагает большие усилия, чтобы снова выпрямиться. Наконец голова ребенка принимает вертикальное положение, и воздух оглашают жуткие вопли, на что нетерпеливая женщина отвечает новой оплеухой. Детская головка уже сейчас помечена симпатическими чернилами, ее ожидают худшие времена. Женщина несет тяжеленные сумки, и что до нее, пусть бы этот ребенок провалился сквозь канализационную решетку. Чтобы поколотить дочку, она каждый раз вынуждена ставить тяжелые сумки на землю, – это дополнительная рабочая операция. Однако ее небольшие усилия вполне окупятся. Ребенок обучается языку насилия, но учится весьма неохотно и ничего в этой школе не запоминает. Несколько слов из самых необходимых он уже знает, хотя сквозь его рыдания понять их совершенно нельзя.

Скоро и женщина, и громко орущий ребенок остаются у Эрики за спиной. Если бы они остались там навсегда! Они никогда не смогут шагнуть в ногу с быстротечным временем. Эрика, словно караван, продолжает свой путь. В этой местности только жилые дома, но район этот нехороший. Припозднившиеся отцы семейств стучатся в двери домов, в которых они, словно ужасные удары молота, обрушиваются на своих домочадцев. Хлопают автомобильные дверцы, хлопают гордо и уверенно, потому что малолитражки здесь явные любимицы в семье и им абсолютно все позволено. Приветливо сверкая, они стоят у тротуара, а их владельцы торопятся к ужину. Бездомному уж дом не заводить, а если пожелает приобрести таковой, то никогда не сможет его построить. Даже с помощью строительного сбербанка и долгосрочных кредитов. Тот, у кого дом здесь есть, чаще находится в отлучке, чем у себя дома.

Эрике на пути попадает все больше мужчин. Женщины, словно по тайному волшебному знаку, исчезли в норах, которые здесь называют квартирами. В это время они не выходят одни на улицу. Разве что с мужем – выпить кружку пива в соседней пивной или посетить родственников. Они выходят только в сопровождении взрослых мужчин. Повсюду ощутимы свидетельства их незаметной, но крайне необходимой деятельности. Запахи, доносящиеся с кухни, иногда негромкое позвякивание кастрюль и стук вилок о тарелки. Вспыхивает голубой отблеск телевизора, по которому показывают первый вечерний сериал для всей семьи, вспыхивает сначала в одном окне, потом в другом, потом сразу во многих. Слово искрящиеся кристаллы, которыми украшает себя наступающая ночь. Фасады превращаются в плоские театральные кулисы, за которыми ничего не скрывается; все здесь одинаково, и похожее тянется к похожему. Реальны лишь звуки, несущиеся из телевизора: они и представляют собой подлинное событие. Все люди вокруг в одно и то же время получают одинаковые впечатления, кроме тех редких случаев, когда какой-нибудь одиночка переключится на вторую программу, чтобы посмотреть передачу «Христианский мир». Этим индивидуалистам подробно сообщают о евхаристическом конгрессе, подкрепляя информацию обильной статистикой. Если хочешь быть не таким, как все, за это тоже приходится платить.

До Эрики доносятся лающие турецкие голоса. К ним прибавляются гортанные сербохорватские контратеноры. Кучки мужчин, словно выпущенные из детского лука, маленькие группки, составленные из устремившихся сюда одиночек, пробирающихся теперь вместе к арке под насыпью городской железной дороги, ведущей в зал пип-шоу. Заведение находится под сводом одного из виадуков, над которым проносятся поезда. Использовано каждое, даже самое маленькое помещение, не потеряно ни клочка территории. Туркам форма свода наверняка близка, потому что напоминает мечеть. Возможно, все происходящее напоминает им о гареме. Под арками виадука устроены клетушки, набитые голыми женщинами. Одна за другой, одна за другой, всякая в свой черед. Венерина гора в миниатюре. В малом формате. Тангейзер совсем уже близко, и скоро он ударит по камню своим посохом. Арка построена из кирпичи-

чей, и внутри нее уже многим довелось поглазеть на красивых женщин. Маленькое заведение, в котором потягиваются и извиваются голые женщины, аккуратно и точно встроено в арку. Женщины постоянно сменяют друг друга. Они осуществляют ротацию в соответствии с определенным принципом неудовольствия, обслуживая целую череду таких пип-шоу, чтобы клиенты, задержавшиеся на подольше, и постоянные посетители всегда в определенные интервалы могли созерцать разные тела. Иначе они сюда больше не придут. Это своего рода абонемент. В конце концов, они несут сюда свои драгоценные денежки и бросают их монета за монетой в ненасытно зияющую щель. Потому что ровнехонько тогда, когда начинается самое интересное, нужно бросить еще десять шиллингов. Одна рука бросает, другая бессмысленно выкачивает мужскую силу и соки. Дома мужчина ест за троих, а здесь из него все просто выплескивается на пол.

Каждые десять минут наверху с грохотом проносится электричка Венской городской железной дороги. Она сотрясает весь свод, однако девушки продолжают извиваться, не испытывая особых потрясений. Им это уже знакомо. Они привыкли к тому, что время от времени раздается глухой шум. Монетки летят в щель, окошечко открывается, и перед зрителем появляется розовая плоть: настоящие чудеса техники. Эту плоть нельзя лапать руками, да это и не получится, потому что она отделена стенкой. Окошко, выходящее на велосипедную дорожку снаружи, полностью заклеено черной бумагой. Для украшения на нее желтой краской нанесен приятный глазу орнамент. В черную бумагу вделано маленькое зеркальце, в которое можно глядеться. Никто не знает, для чего оно, может быть, чтобы потом причесать волосы. В соседнем помещении небольшой секс-шоп, там можно купить все, что пожелаешь. Женщин там не купишь, но в порядке компенсации есть узенькое нейлоновое белье с разрезами спереди или сзади. В это белье дома можно одеть жену и потом трогать все, что хочешь, и жене не придется совсем стягивать трусики. В комплекте к ним продаются маечки: в верхней части сделано два круглых отверстия, так что женщина может выставить в них свои соски. Остальное тело просвечивает сквозь прозрачную ткань. Все оторочено маленькими рюшами. На выбор есть белье темно-красного или черного цвета. Блондинке больше подходит черное, брюнетке – красное. В ассортименте есть книги и брошюры, узкоплёночные фильмы и видеокассеты, покрытые слоем пыли разной толщины. Этот товар здесь не в ходу. У клиентов дома нет соответствующей аппаратуры. Гигиенические резиновые изделия с рифленой поверхностью различных узоров расходятся много лучше, равно как и надувные имитации женского тела. Сначала клиенты глазят на живую женщину, а потом приходят сюда и покупают куклу. Ведь покупатель, к сожалению, не может прихватить с собой красивых обнаженных дам, чтобы потом в укромном местечке обрабатывать их, пока не лопнут. Эти женщины наверняка не знали в своей жизни ничего такого, что достало бы их до самого нутра, иначе они не выставили бы себя напоказ. Они бы покорно пошли с клиентом, вместо того чтобы дергаться тут перед всеми, будто они как раз этим самым сладким делом занимаются. Ведь такая профессия вовсе не для женщины. Лучше всего было бы сразу прихватить одну из них, все равно какую, в принципе, все они одинаковы. Они, по сути, не отличаются друг от друга, разве что цветом волос, а вот мужчины всегда индивидуальны: одному подавай то, а другому это. Похотливо потягивающаяся свинья там, на подиуме, по другую сторону барьера, в качестве компенсации действительно желает про себя, чтобы у этих ослов там, за окошечками, отвалился член, который они всю надраивают. Таким образом, каждый что-то получает, и атмосфера здесь достаточно раскованная. За каждую услугу имеешь услугу в ответ. Они платят и за это кое-что получают.

Сумочка Эрики, которую она носит дополнительно к папке с нотами, раздута от наменанных десятишиллинговых монет. В это место женщины никогда не заходят, но Эрика – птица иного полета. Такая уж она есть. Если большинство ведет себя так, то она принципиально ведет себя иначе. Когда все говорят «но!», она говорит «тпру!». И очень этим гордится. Лишь

так ей удастся обратить на себя внимание. Сейчас она намерена войти туда. Турецкие и югославские анклавы и языковые островки робко уклоняются от столкновения с этим явлением из другого мира. Они вдруг совершенно теряются, хотя с удовольствием осквернили бы эту женщину, если бы смогли. За спиной у Эрики они выкрикивают словечки, которых Эрика, по счастью, не понимает. Она шагает с высоко поднятой головой. Эрику никто, даже сильно пьяные, не задевает, не хватает за руки. Кроме того, пожилой мужчина следит, чтобы ничего такого не произошло. Кто он, владелец или арендатор? Клиенты из местных жителей, появляющиеся поодиночке, жмутся к стенкам. Их уверенность в себе не опирается на авторитет группы, и, кроме того, здесь они сталкиваются с людьми, которых обычно обходят стороной. Здесь им приходится вступать в нежелательный телесный контакт, а вот желанного контакта здесь не происходит. К сожалению, влечение мужчины слишком необоримо. Для настоящего вспрыска деньжат больше не хватает: до зарплаты осталось несколько дней. Местные, нога за ногу, тянутся вдоль виадука. Под аркой перед большим шоу помещение магазина «Все для горнолыжников», а в следующей арке продажа велосипедов. Магазины закрыты, внутри совершенно темно. А из этих дверей струится приветливый электрический свет, приманивая к себе ночных мотыльков, этих дерзких махаонов. За свои деньги они хотят кое на что поглазеть.

Клиенты строго отделены друг от друга. Фанерные кабинки сколочены точно по их размерам. Кабинки узкие и маленькие, их временные обитатели – тоже люди невеликие. Кроме того, чем размеры меньше, тем кабинок больше. Следовательно, относительно многие за относительно короткое время могут получить значительное облегчение. Свои заботы они потом опять уносят с собой, но их драгоценное семя остается здесь. Уборщицы постоянно заботятся о том, чтобы оно не пошло в рост. Хотя каждый, если его порасспросить, считает себя особо ценным в смысле размножения. Чаще всего заняты все кабинки. Заведение это – настоящая золотая мина, ларчик с драгоценностями. Иностранцы группками терпеливо выстраиваются в очередь. Они коротают время, рассказывая анекдоты про женщин. Малые размеры ларчика прямо пропорциональны малым размерам их жилищ, в которых они порой занимают только угол. Они, стало быть, привыкли к тесноте, а здесь их даже отделяют от других перегородкой. В каждую кабинку разрешено входить только по одному. Там каждый остается наедине с собой. Красивая женщина появляется в окошечке, как только опускаешь деньги. Две кабины с индивидуальным обслуживанием для более требовательных клиентов почти всегда пусты. Здесь редко встретишь мужчину, который в состоянии выразить особые пожелания.

Эрика с надменным видом учительницы входит в заведение.

В ее сторону нерешительно протягивается чья-то рука, но затем быстро отдергивается. Она не идет в служебное помещение, а отправляется в помещение для клиентов. Это более важное помещение. Женщина хочет посмотреть здесь на то, что дома она могла бы увидеть в зеркале задаром. Мужчины громко выражают удивление, потому что им приходится всю экономить, чтобы скопить деньжат на эти походы на тайную охоту за женщиной. Они, эти охотники, стоят на вышках. Они глазят в окошечки, и деньги на хозяйственные расходы растрачиваются быстро. Мужчины не пропускают ни одной детали из того, что им показывают.

И Эрика тоже хочет просто смотреть. Здесь, в кабинке, она становится пустым местом. Ничто не помещается в Эрику, но она точно умещается в этой гильзе. Эрика представляет собой компактное устройство, имеющее человеческий облик. Кажется, что природа не сделала в ней ни одного отверстия. Эрика чувствует, что там, где у настоящей женщины делавший ее плотник оставил форточку, в нее вставлена массивная затычка из дерева. Это трухлявое, разлапистое дерево одиноко торчит посреди высокоствольного леса, и трухлявость его все увеличивается. Зато Эрика разгуливает везде, словно повелительница. Внутри она тронута гнилью, однако ее взгляд способен поставить турок на место. Турки хотят пробудить ее к жизни, однако отскакивают в сторону от ее заносчивости. Эрика-повелительница входит в грот Венеры. Турки не проявляют к ней особенной вежливости, но и не демонстрируют небреже-

ния. Они не мешают Эрике, держащей под мышкой портфель, набитый нотными тетрадями, просто войти сюда. Ей даже позволено беспрепятственно пройти без очереди. Она в перчатках. Человек на входе храбро называет ее «милостивая государыня». «Пожалуйста, проходите, проходите дальше», – приглашает он ее без промедления в свою горницу, где яркий свет электрических лампочек падает на лобки и груди. Волосатые треугольники залиты ярким светом, ведь именно на них мужчина смотрит в первую очередь – так уж повелось. Мужчина смотрит на нечто, что есть совершенное ничто, он смотрит на чистое отсутствие. Сначала он смотрит на это ничто, а потом уж приходит черед и всей мамочке целиком.

Эрике предоставляют кабинку-люкс. Ей как даме не нужно стоять в очереди. Поэтому другим ждать приходится дольше. Монеты у нее наготове, как всегда наготове левая рука во время игры на скрипке. Днем она иногда прикидывает, сколько раз ей удастся посмотреть за ее накопленные десятки. Она копит деньги, экономя на полдниках. Вот голубой луч прожектора падает на выставленное напоказ тело. Даже цвета здесь подбирают специально! Эрика подбирает с пола скомканный бумажный платок, пропитанный спермой, и держит его перед носом. Она глубоко вдыхает запах того, что предыдущий клиент произвел на свет тяжкими трудами, она вдыхает запах, смотрит и тратит здесь толику отпущенной ей жизни.

Существуют клубы, где разрешено фотографировать. Там каждый, в зависимости от вкуса и настроения, может выбрать себе модель. Однако Эрика не хочет совершать никаких действий, она хочет только смотреть. Она хочет просто сидеть здесь и смотреть. Созерцать. Эрика созерцает, не прикасаясь. У Эрики не возникает никаких ощущений, у нее нет возможности ласкать себя. Мать спит на соседней кровати и следит, куда Эрика кладет руки. Эти руки должны заниматься музыкой, нельзя, чтобы они, словно муравьи, сновали под одеялом и забирались в банку с вареньем. Даже когда Эрика режет свое тело или наносит себе уколы, она почти ничего не чувствует, а вот что касается зрительных ощущений, здесь она добилась абсолютной полноты.

В кабинке воняет дезинфекцией – уборщицы тоже женщины, однако на женщин не похожи. Они небрежно смывают в грязное ведро разбрызганную сперму этих охотников-гrehоводников. И скомканный бумажный платок, застывший как цемент, снова валяется на полу. Что касается Эрики, тут уборщицы могут сделать перерыв и дать отдохнуть своим изношенным суставам. Ведь им все время приходится нагибаться. Эрика просто сидит и вглядывается. Она даже не снимает перчаток, чтобы не прикасаться ни к чему в этой вонючей темнице. Возможно, она не снимает перчаток, чтобы не увидели ее наручники. Занавес поднимается, сейчас ее выход, видно, как Эрика за сценой дергает за ниточки. Все представление разыгрывается для нее одной! Женщин с физическими недостатками сюда не берут, тут требуются милашки с хорошей фигурой. Каждая сначала проходит дотошное испытание, показав свое тело, никакой владделец не станет покупать кошечку в мешке, поэтому платье приходится снять. Эти дамы добиваются на своей площадке того, чего Эрика не смогла добиться на концертной сцене. Их оценивают по размерам женских округлостей и изгибам линий. Эрика смотрит не отрываясь. Стоит ей только на секунду отвлечься, как снова несколько шиллингов пропало даром.

Черноволосая девица принимает творческую позу, позволяя заглянуть к ней прямо в нутро. Она движется по кругу на чем-то вроде гончарного диска. А кто крутит колесо? Поначалу она смыкает бедра, и ничего не видно, но тяжелая слюна ожидания уже наполняет рты. Потом она медленно расставляет ноги и проезжает мимо окошечек со зрителями. Иногда, хотя здесь стремятся быть справедливыми ко всем клиентам, из одного окошечка видно больше, чем из другого, потому что круг постоянно вращается. Заслонки на окошечках нервно постукивают. Тот, кто рискнет, сможет выиграть, тот, кто рискнет еще раз, возможно, выиграт дважды.

Толпа, сидящая по кругу, прилежно массирует и обрабатывает себя, а ее, в свою очередь, непрерывно и тщательно перемешивает огромная невидимая мутовка. Десять маленьких

насосов работают на полных парах, кое-кто тайком разогревает себя еще до начала, чтобы не потратить слишком много денег, добиваясь, когда наконец потечет. Дама на подиуме при этом составляет всем компанию.

В примыкающих друг к другу кельях насосы со стуком и скрипом освобождаются от своего драгоценного груза. Скоро они вновь наполнятся, и придется снова идти сюда, чтобы утолить желание. Приходится потратить сорок – пятьдесят шиллингов, если вдруг случится задержка при зарядании. Особенно тогда, когда за созерцанием забывают трудиться на собственном прокатном стане. Именно для того чтобы отвлечь клиентов, здесь часто меняются женщины. Некоторые идиоты только глазают себе и ничего не предпринимают.

Эрика смотрит. Объект ее созерцательной страсти в этот момент снует рукой между бедер, показывая, что получает наслаждение, о чем свидетельствует рот, образующий маленький овал. Объект, восхищенный тем, что на него смотрит так много глаз, закрывает глаза, затем снова открывает их и закатывает под самый лоб. Объект поднимает руки и массирует соски, чтобы те напряглись и затвердели. Объект садится поудобнее и сильно раздвигает ноги, так что теперь в женщину можно заглянуть с «лягушачьей» перспективы. Она игриво играет с волосами на лобке. Она соблазнительно облизывает губы, в то время как перед ней то один, то другой стрелок направляет в цель свой резиновый шланг. Всем выражением лица она демонстрирует, как здорово было бы, если бы она была только с тобой. Однако это, к сожалению, невозможно из-за большого спроса. А так получают свое сразу все, а не только кто-нибудь один.

Эрика смотрит очень внимательно. Не для того, чтобы научиться. В ней по-прежнему ничто не шелохнется и не пошевелится. И все же она смотрит. Для собственного удовольствия. Каждый раз, когда она собирается уйти, что-то сверху энергично пригибает ее головку с милой прической к отверстию, и она продолжает смотреть. Вращающийся диск, на котором сидит красивая женщина, едет по кругу. Эрика ничего не может с этим поделать. Она смотрит и смотрит. Она сама для себя табу. Щупать не разрешается.

Справа и слева от нее слышны стоны и радостный гогот. «Я лично не совсем это понимаю, – возражает Эрика Кохут. – Я ожидала большего». В перегородку между кабинками ударяется плевков. Стенки очищать легче: у них гладкая поверхность. Справа на стенке какой-то из посетителей по всем правилам немецкого правописания любовно нацарапал слова «Святая Мария – пьяная проститутка». Нечасто клиенты пишут на стенках, потому что их внимание сосредоточено на другом. Часто с грамотностью дело у них обстоит плохо. Свободна только одна рука, но чаще и она занята. Да и монеты надо все время бросать.

Раскрашенная под рыжего дракона леди выставляет на всеобщее обозрение свой жирноватый зад. О ее мнимый целлюлит дешевые массажисты за многие годы стерли себе пальцы до крови. Однако мужчины за деньги получают от нее больше, кабинки справа уже видели эту женщину спереди, теперь ее фасадом предстоит полюбоваться кабинкам слева. Одним больше нравится оценивать спереди, а другим сзади. Рыжеволосая двигает мускулами, которые обычно работают при ходьбе или сидении. Сегодня она с их помощью зарабатывает деньги. Кроваво-красными длинными ногтями правой руки она массирует свое тело.левой рукой она мнет себе грудь. Острыми накладными ногтями она оттягивает сосок от тела, словно резиновую ленту, и затем отпускает его. Сосок торчит, словно чужеродное тело. Рыжая в этот момент на основании своего опыта знает: кандидат набрал 99 очков! Тот, кто не сможет сейчас, тот не сможет никогда. Кто одинок сейчас, останется таким надолго и без всякого удовольствия.

Эрика натолкнулась на определенную границу. До этого места и ни шагу дальше. «Это заходит слишком далеко», – говорит она, как говорила себе уже не раз. Она поднимается. Она давным-давно установила себе границы и обеспечила их безопасностью нерасторжимыми договорами. Зато ей доступен вид с высокой башни на все внизу, и она видит далеко-далеко. Хороший и дальний обзор есть непременно условие. Эрика и на этот раз не хочет узнать, что расположено за границей. Она отправляется домой.

Она отодвигает в сторону стоящих в очереди клиентов одним только своим взглядом. Кто-то сразу жадно устремляется на освободившееся место. Образуется коридор, сквозь который Эрика проходит и удаляется прочь. Она идет и идет, почти механически, точно так же, как перед этим смотрела и смотрела. Все, что Эрика делает, она делает на полную катушку. Никакой половинчатости, – всегда требовала мать. Никакой неопределенности. Художник не потерпит в своем творчестве ничего незрелого, ничего половинчатого. Иногда произведение остается незаконченным, потому что художник умирает молодым. Эрика бредет по дорожке. Ничто не разорвалось, ничто не потеряло цвета. Ничто не выцвело. Ничего не достигнуто. Здесь нет ничего, чего бы здесь не было прежде, и не прибавилось ничего, чего бы здесь прежде не было.

Дома упреки матери струятся мягкими лучами по стенкам теплого инкубатора, в котором они обе обитают. Хорошо, если Эрика не простудилась во время поездки, о цели которой она что-то наплела матери заранее. Эрика сразу надевает теплый халат. Эрика и ее мать едят сегодня утку, фаршированную каштанами и прочей начинкой. Это праздничная еда. Каштаны лезут наружу из всех швов утки – мать явно переусердствовала, что ей свойственно. Солонка и перечница частично серебряные, вилки и ножи полностью из серебра. У ребенка сегодня здоровые красные щеки, чему мать радуется. Надо надеяться, румянец не вызван высокой температурой. Мать губами проверяет лоб Эрики. За десертом температуру еще раз меряют градусником. По счастью, никакой температуры нет. Эрика совершенно здорова. Эту рыбку хорошо кормили в околплодных водах матери.

Потоки неоновом света ледяным холодом заливают кафе-мороженые и танцевальные залы. Над площадками для мини-гольфа на изогнутых мачтах висят гроздь гудящих ламп. Ослепительный поток холода. Посетительницы одного с НЕЮ возраста, наслаждающиеся приятным уютом привычного удовольствия, восседают за овальными столиками перед стеклянными бокалами, в которых плавно покачиваются длинные ложечки, словно стебли замерзших цветов. Коричневое, желтое, розовое. Шоколадное, ванильное, малиновое. Свет, струящийся с потолка, окрашивает дымящиеся разноцветные шарики в почти одинаковый серый цвет. Сверкающие порционные ложечки застыли в сосудах, наполненных водой. На поверхности воды разводы от мороженого. Силуэты молодых людей, свободно и без всякой нарочитости радующихся жизни, замерли перед замками из мороженого, из которых торчат разноцветные бумажные зонтики.

Под зонтиками прячется яркая галька коктейльных вишен, ананасных долек и шоколадной крошки. У одних посетителей ледяные пещеры ртов раскрыты навстречу непрекращающейся веренице кусочков сладкого холода, холодное тянется к холодному, другие же не обращают никакого внимания на плавающее и тающее мороженое, потому что им надо рассказать друг другу то, что много важнее, чем это холодное наслаждение.

ОНА созерцает все это, и на ЕЕ лицо наплзает презрительная гримаса. ОНА считает свои чувства уникальными, и даже когда смотрит на обычное дерево, прозревает в елочных шишках вселенские чудеса. Маленьким молоточком она, словно усердная дантистка, обстукивает действительность, счищая с нее зубной камень изысканной речи: самые простецкие верхушки сосен для нее возносятся вверх, словно одинокие снежные вершины. Разноцветная палитра красок покрывает горизонт слоем лака. Вдалеке проезжают едва уловимые глазом большие машины, их мягкое гудение почти не слышно. Это гиганты музыки и гиганты поэзии, полностью укрытые огромной маскировочной тканью. В ЕЕ натренированном мозгу проносятся мириады сведений об этих звуках, в одно мгновение вздымается вверх сумасшедшее и пьяное облако дыма, оседая снова на землю в жесте пепельного бессилия. Тонкая серая пыль быстро ложится на все аппараты, на все капиллярные трубочки и колбы, на все пробирки и охлаждающие змеевики. ЕЕ комната превращается в абсолютный камень. Серый. Не холодный

и не теплый. Так себе. Нейлоновая занавеска на окне шуршит, не движимая дуновением ветра. Внутри чистенький и аккуратный гарнитур. Необжитый. Неосвоенный.

Клавиатура рояля начинает петь под пальцами. Гигантский хвост мусорных отвалов культуры с тихим шелестом наползает со всех сторон, по миллиметру смыкая кольцо. Грязные консервные банки, заляпанные тарелки с остатками еды, грязные вилки и ложки, хлебные и фруктовые корки, покрытые плесенью, битые пластинки, клочки смятой бумаги. В других обиталищах в ваннах шумят дымящиеся струи горячей воды. Какая-то девушка с головой ушла в сотворение новой прически. Другая занята тем, что подбирает к юбке подходящую блузку. На полу новые, очень остроносые туфли, еще ни разу не надеванные. Где-то звонит телефон. Кто-то снимает трубку. Слышен чей-то смех. Чьи-то слова.

Гора мусора неоглядно широкой лентой ползет, отделяя ЕЕ от ДРУГИХ. Кому-то делают шестимесячную завивку. Кто-то подбирает по цвету лак для ногтей и губную помаду. Обертка из фольги сверкает на солнце. Луч солнца отражается от зубцов вилки, от лезвия ножа. Вилка – это вилка. Нож – это нож. Застигнутые мягким бризом, в воздухе летают луковая шелуха и папиросная бумага, склеенная сладким малиновым сиропом. Старые, расположенные внизу слои, уже разложившиеся, превратились в пыль, подбивающую подкладкой гниющие сырные и арбузные корки, осколки стекла и клочья черной ваты, которую ожидает та же судьба.

Мать с силой тянет за веревки, на которых ОНА подвешена. И вот две руки уже выброшены вперед, вновь повторяя Брамса, на этот раз получше. Брамс становится очень холодным, когда превращается в классическое наследие, и он совершенно трогательный, когда мечтает или печалится. Мать этим тронуть никак невозможно.

Металлическая ложечка остается торчать в тающем земляничном мороженом, потому что одна из девушек торопится чем-то поделиться с подругой, которая в ответ весело смеется. Другая девушка поправляет высокую прическу с огромной перламутровой заколкой. Обе движутся очень по-женски! Женственность пробивается из их тел, словно маленькие чистые ручейки. Раскрывается пудреница из бакелита. Глядя в зеркальце, девушка мажет губы помадой бледно-розового цвета и черной тушью подводит брови.

ОНА – утомленный дельфин, равнодушно готовящийся к заключительному трюку, устало фиксируя взглядом смешной разноцветный мяч, который животное привычным движением подхватывает на нос. Животное глубоко вздыхает и приводит свой инструмент в круговое движение. У Бунюэля в «Андалузском псе» стоят два концертных рояля. А еще два дохлых осла, полуразложившиеся, с налитыми кровью головами, свисающими с клавиатуры. Мертвые. Истлевшие. За пределами всего. В пространстве, абсолютно лишенном воздуха.

На ресницы наклеивается ленточка искусственных ресниц, текут слезы. Густо намазывается бровь. Той же самой кисточкой для бровей наносится черная точка на родинку у подбородка. Острый конец расчески несколько раз вставляют в затянутый сверху узел волос, чтобы ослабить копну. Потом снова укрепляют волосы заколками. Натягивают чулки, поправляют шов. Берут лакированную сумочку и уходят. Под тафтяной тканью шуршит нижняя юбка. Они уже рассчитались с официантом и выходят на улицу.

Перед НЕЙ распаивается мир, о котором другие не догадываются. Это мир детских конструкторов, мир в миниатюре, полностью изготовленный из красных, синих, белых пластмассовых деталек. Из шпенок, которые соединяют эти детальки, создавая целый мир, несутся звуки миниатюрного мира, полного музыки. ЕЕ левая рука, парализованная неизлечимой неуклюжестью, слабо царапает по клавишам. Она хочет взлететь к чему-то невиданно экзотическому, затуманивающему чувства, разрывающему пути рассудка. Однако ей не удастся собрать даже игрушечную заправочную станцию, хотя у нее есть точная инструкция по сборке. ОНА представляет собой крайне неуклюжее устройство. Она туго и медленно соображает. На ней висит мертвый свинцовый груз. Тормозной башмак. Она – повернутое против самой себя оружие, которое никогда не выстрелит. Она – тиски из жести.

Взывают оркестры, состоящие почти из сотни блок-флейт. Самых разных размеров и видов. В них вдувается детская плоть. Звуки порождает детское дыхание. На помощь призывают мелкие клавишные инструменты. Пластиковые футляры для флейт сшиты матерями. В футлярах хранятся и маленькие круглые щетки-ершики. От теплого дыхания тело флейты покрывается налетом. Многие звуки возникают при помощи дыхания маленьких детей. Фортепьяно не сопровождает эту музыку!

Совершенно приватный камерный концерт привлекает к себе всех настоящих любителей музыки. Он проходит в квартире, принадлежащей старой дворянской семье, в доме на набережной Дунайского канала, во втором районе Вены, в квартире, в которой семья польских эмигрантов в четвертом поколении предоставила для этой цели два рояля и богатую библиотеку партитур. Кроме того, в той части дома, где у других обычно стоит автомобиль, то есть ближе к сердцу, они хранят свою коллекцию старинных музыкальных инструментов. У них нет машины, зато есть несколько прекрасных моцартовских скрипок и альтов и совершенно редкостная виоль д'амур, висящая на стене и постоянно находящаяся под неусыпным надзором одного из членов семьи, когда в доме разражается камерный концерт. Со стены ее снимают только для демонстрации специалистам. Или в случае большого пожара.

Эти люди обожают музыку и хотят привить любовь к ней и другим людям. Они намерены сделать музыку доступной даже подросткам, потому что пастись на этих лугах в одиночку не доставляет особой радости. Они, словно алкоголики или наркоманы, не могут обойтись без того, чтобы не разделить свою дилетантскую привязанность с возможно большим числом людей. Детей-слушателей сюда загоняют самыми изощренными способами. Здесь и всем известный толстый маменькин сынок, у которого мокрые волосы словно приклеены к голове и который хнычет и зовет на помощь по самому незначительному поводу, здесь и ребенок, предоставленный самому себе, который отчаянно сопротивляется, но в конце концов вынужден покориться. Закуску во время концерта не подают. А от благоговейной тишины, увы, не откусишь ни кусочка. На мягкой мебели не рассыпаны крошки и не осталось жирных пятен, на рояльных чехлах нет пятен от красного вина. И никаких следов жвачки! Детей пропускают как через сито, выясняя, не принесли ли они эту дрянь с улицы. Дети более грубого помола застревают в ячейках и никогда ничего не достигнут на своем инструменте.

Эта семья – не сторонница излишних трат, и воздействовать на пришедших она намерена одной только музыкой. Пусть музыка проторит тропу к сердцам людей. На себя хозяева тоже почти ничего не тратят.

Эрика притащила с собой учеников. Госпоже учительнице достаточно было поманить их мизинцем. Самые маленькие пришли в сопровождении гордой за собственного ребенка матери, гордого отца или обоих гордых родителей, и эти полные семьи заполняют собой все помещение. Ученики знают, что получают за фортепьянные уроки плохую оценку, если не будут сюда ходить. Лишь смерть может явиться уважительной причиной воздержания от искусства. Профессиональный любитель изящного совершенно не приемлет иных причин. Эрика Кохут предстает во всем блеске.

Начинают Вторым концертом Баха для двух фортепьяно. За одним роялем – почтенный старец, который в своей прежней жизни однажды выступал в Брамсовском зале, и при этом выступал соло. Времена эти канули в прошлое, но старожилы об этом еще помнят. Костлявая старуха с косой, уже маячащая у него за спиной, не в состоянии подвигнуть этого господина, именуемого доктором Хаберкорном, к большим творческим свершениям, как удавалось ей это в свое время с Моцартом, Бетховеном, а также с Шубертом. Шуберту и в самом деле был отпущен очень короткий жизненный срок. Старец приветствует свою партнершу за другим роялем, госпожу учительницу Эрику Кохут, и, несмотря на возраст, перед началом концерта галантно склоняется над ее рукой, обозначая поцелуй.

– Дорогие любители музыки и гости нашего вечера! – Гости набрасываются на яства и с громким чавканьем уплетают рагу из барочной музыки. Ученики Эрики уже в самом начале концерта шаркают подошвами, вынашивая злой замысел, однако осуществить его им не хватает мужества. Они не бегут из этого курятника музыкального благолепия, хотя его дощатые стенки достаточно тонкие. На Эрике прямая, до пола, юбка-колокол из черного бархата и шелковая блузка. Смерив острым как стеклорез взглядом сначала одного, потом другого ученика, Эрика легонько покачивает головой. Это именно то движение, всю тяжесть которого мать обрушила когда-то на голову дочери после провала на концерте. Оба ученика уже мешали вступительному слову хозяина, болтая между собой. Второй раз их предупреждать не станут. В самом первом ряду, рядом с женой хозяина, в специально поставленном для нее кресле сидит мать Эрики и в одиночку наслаждается и леденцами из коробки, и собственной персоной, ввиду редкостного внимания, которое обращено на ее дочь. Свет насильственно приглушают, заслонив подушкой лампу на рояле, и подушка эта сотрясается под хлесткими ударами полифонических сплетений, которые образуют причудливые узоры. Подушка окутывает исполнителей демоническим красным сиянием. Строго и сдержанно журчит полноводный ручей музыки Баха. Ученики одеты по-праздничному, по крайней мере, так считают их родители. Они втискивают свое потомство в вестибюль польского дома, чтобы отдохнуть от детей и научить их давать родителям роздых. Польский вестибюль украшает огромное зеркало в стиле модерн, окаймленное фигурой обнаженной девушки с кувшинками, возле которой мальчишки всегда останавливаются. Потом наверху, в музыкальном салоне, меньшие усаживаются в первых рядах, а большие сзади, потому что они могут смотреть поверх голов. Старшие служат опорой хозяевам, если надо приструнить тех, кто помладше.

Вальтер Клеммер не пропустил в этом доме ни одного музыкального вечера, с тех пор как он в свои нежные семнадцать лет серьезно, а не только для удовольствия, взялся за фортепьяно. Он черпает здесь вдохновение для своей собственной игры, получает его звонкой монетой.

Баховский ручей перетекает в быструю фазу, и Клеммер с неожиданно прорезавшимся чувством голода изучает фигуру своей учительницы музыки, срезанную снизу линией стула. Большого отсюда лицезреть не удастся. Любимое место Клеммера сегодня занято толстой мамашей одного из учеников. На занятиях Эрика всегда сидит рядом с ним за вторым роялем. Рядом с линкором-мамашей примостилась маленькая шлюпка, ее сынок, делающий в музыке первые шаги. На нем черные брюки, белая рубашка и красный галстук-бабочка с белыми горошинами. Ребенок сидит в позе пассажира самолета, которому стало плохо и которому ничего уже не нужно, только бы приземлиться поскорее. Эрика парит на крыльях искусства в высоких воздушных коридорах, поднимаясь почти до эфира. Вальтер Клеммер смотрит на нее с робостью, потому что она отдаляется от него. Не он один непроизвольно цепляется за Эрику, ее мать тоже озирается в поисках тормозной веревки для дочери, для этого воздушного змея. Только не упустить, только не отпускать веревку! Матери приходится встать на цыпочки. Ветер громко завывает, как он всегда завывает на этой высоте. Слушая последнюю часть сонаты Баха, господин Клеммер ощущает, как его щеки начинают пылать. В руках он держит алую розу, чтобы после концерта преподнести ее учительнице. Он бескорыстно восхищается техникой ее игры и тем, как она движется в такт музыке. Он следит, как наклоняется ее голова, взвешивая отдельные нюансы вещи, которую она исполняет. Он видит, как играют мускулы у нее на руках, это слияние плоти и движения волнует его. Плоть подчиняется внутреннему движению, вызванному музыкой, и Клеммер молит про себя, чтобы его учительница когда-нибудь подчинилась его воле. Он ерзает на стуле. Его рука непроизвольно подрагивает, касаясь ужасного оружия его слегка напряженной плоти. Ученик Клеммер с трудом берет себя в руки и мысленно оценивает размеры тела Эрики. Он сравнивает верхнюю часть с нижней: она, пожалуй, несколько толстовата, однако ему это, в принципе, по нраву. Он сопоставляет верх с низом. Верх несколько тонковат. Низ – можно записать очко в его пользу. Облик Эрики в

целом ему все же нравится. Лично он считает: фройляйн Кохут – очень изысканная женщина. Если бы еще то, чего внизу многовато, налепить сверху, тогда бы все соответствовало полностью. Можно, конечно, и наоборот, то есть уравнивать низ с верхом, но это ему нравится меньше. Если бы ее слегка обстругать внизу, тело ее выглядело бы гармоничнее. Но тогда она была бы слишком худенькая! Эти маленькие фантазии по улучшению Эрики, настоящей дамы, делают ее для взрослого ученика желанной, так как она становится более достижимой. Внушая женщине сознание ее телесного несовершенства, можно крепко привязать ее к себе. Кроме того, эта женщина явно старше, а он еще совсем молод. У ученика Клеммера наряду с музыкой есть еще побочная цель, которую он сейчас основательно обдумывает. Он помешан на музыке. Он тайно сходит с ума по своей учительнице музыки. Сам он совершенно убежден, что фройляйн Кохут именно та женщина, которая необходима молодому человеку, чтобы посвятить его в игру жизни. Молодой человек начинает с малого, но быстро набирает высоту. Каждому когда-нибудь приходится начинать. Он скоро завершит начальную ступень, подобно тому, как новичок-автолюбитель покупает сначала подержанную малолитражку, а потом, научившись ездить, пересаживается в большую и новую машину. Фройляйн Эрика полностью состоит из музыки, и ей вовсе не так много лет, – набавляет цену своей испытательной модели ученик Клеммер. Он начинает на ступеньку выше, не с «фольксвагена», а с «опель-кадета». Тайно влюбленный Вальтер Клеммер грызет ноготь. Румянец залил щеки, и теперь пылает вся голова целиком – голова, покрытая темно-русыми волосами. Он в меру следует моде. Он в меру интеллигентен. Ничто в нем не бросается в глаза, ничто не кажется чрезмерным. Волосы он отпустил чуточку подлиннее, чтобы не выглядеть слишком модным, но и не казаться слишком старомодным. Бороду он не носит, хотя с подобным искушением часто боролся. Пока что он смог противостоять этому искушению. Ему хочется когда-нибудь слиться с учительницей в долгом поцелуе и водить по ее телу руками. Он хочет, чтобы она познакомилась с его животными инстинктами. Ему хочется несколько раз, словно невзначай, сильно столкнуться с ней. При этом все должно выглядеть так, словно кто-то неловкий столкнул их друг с другом. Он навалится на нее сильнее, а потом принесет свои извинения. Когда-нибудь потом он прижмется к ней уже с отчетливыми намерениями, а если она позволит, то станет всю тереться об нее. Он будет делать все, что она скажет и пожелает, чтобы потом получить преимущество для более серьезной любви. В общении с женщиной намного старше себя – которая уже не требует бережного обращения, – он хочет научиться тому, как обращаться с молодыми девушками, более разборчивыми. Связано ли это с процессом цивилизации? Молодой человек должен сначала наметить себе границы, которые он затем с успехом преодолеет. Когда-нибудь, совсем скоро, он поцелует свою учительницу так, что она едва не задохнется. Он вопьется в нее губами всюду, где ему будет позволено. Он будет впиваться зубами всюду, где она ему разрешит. А уж потом он вполне осознанно перейдет к самым крайним интимностям. Он начнет с ее руки и будет двигаться вверх. Он научит ее любить собственное тело, любить или по меньшей мере мириться с ним, тело, которое она пока отвергает. Он заботливо научит ее всему, в чем она нуждается для любви, однако потом он обратится к более выгодным целям и к более трудным задачам, связанным с женской загадкой. Вечная загадка. Когда-нибудь он станет ее учителем. Ему не нравятся эти вечные темно-синие плиссированные юбки и блузки с пуговицами, которые она все время носит, да носит к тому же крайне неуверенно. Ей нужно одеваться по-молодежному и в яркие цвета. Краски! Он ей объяснит, что он понимает под красками. Он покажет ей, что это значит – быть по-настоящему молодым и ярким и по праву радоваться этому. И когда она познает, как молода она на самом деле, он оставит ее ради другой, что помоложе. «У меня такое чувство, что вы пренебрегаете своим телом, что вы высоко чтите только искусство, госпожа учительница». Так говорит Клеммер. «Вы смиряетесь только с самыми насущными потребностями, однако вовсе не достаточно только есть и спать! Фройляйн Кохут, вы считаете, что ваша внешность – ваш враг, а музыка – ваш друг. Взгляните же в зеркало, вы увидите там себя,

и у вас уже никогда не будет лучшего друга, чем вы сами. Поработайте немножко над своей внешностью, фройляйн Кохут. Если, конечно, вы не против, чтобы я к вам так обращался».

Господин Клеммер страстно желает стать другом Эрики. Этот бесформенный труп, эта учительница музыки, на которую профессия наложила неизгладимый отпечаток, вполне еще может измениться, ведь не такая уж она старая. Этот пыльный мешок. Она даже относительно молодая по сравнению с ее матерью. Молодой человек спустит на землю это нелепое, болезненно скрюченное, цепляющееся за идеалы, по-идиотски мечтательное, живущее только духовной жизнью существо. Она насладится радостями любви, погоды, дай только срок! Вальтер Клеммер каждое лето, начиная с ранней весны, путешествует на байдарке по быстрым рекам, он даже занимается водным слаломом и огибает специальные ворота. Он подчиняет себе стихию, он подчинит себе и Эрику Кохут, свою учительницу. В один прекрасный день он покажет ей, как устроена лодка. А потом научит ее, как держаться в ней на плаву. К тому времени он наверняка будет звать ее по имени: Эрика! Эта птичка Эрика наверняка почувствует, как у нее вырастают крылья: мужчина об этом позаботится.

Кому-то нравится одно, а господину Клеммеру – совсем другое.

Ручей музыки Баха затих. Его течение прекратилось. Оба маэстро, господин маэстро и госпожа маэстро, встают со своих табуретов и наклоняют головы, словно терпеливые лошади, опускающие морды в мешок с овсом вновь просыпающихся будней. Они поясняют, что склоняют головы перед гением Баха, а не перед этой жиденько аплодирующей толпой, которая ничего не понимает и настолько глупа, что даже не в состоянии задаться никакими вопросами. Одна только мать Эрики отбивает себе ладони. Она кричит: браво! браво! К ней с улыбкой присоединяется хозяйка. Толпа, подобранная на навозной куче, расцвеченная отвратительными красками, глазееет на Эрику. Зрители щурятся от света. Кто-то убрал подушку, закрывавшую лампу, и теперь она светит что есть силы. Такова, стало быть, ее публика. Если бы не знать, то с трудом можно поверить, что это люди. Эрика возвышается над каждым из них в отдельности, однако вместе они уже обступают ее, прикасаются к ней, говорят всякие нелепицы. Эту молодую публику она сама выпестовала в своем инкубаторе. Она загнала их сюда нечестными средствами шантажа, насильственного принуждения, опасных угроз. Единственный, кто, вероятно, пришел сюда без принуждения, – это господин Клеммер, прилежный ученик. Другие предпочли бы телевизор, настольный теннис, книгу и прочие глупости. Все они обязаны были прийти сюда. Кажется, что они даже радуются собственной посредственности! Однако они осмеливаются приближаться к Моцарту и Шуберту. Они ведут себя развязно, эти жирные островки, плавающие в околородных водах звуков. Они временно питаются музыкой, однако не понимают, что они впитывают в себя. Стадный инстинкт вообще ставит посредственность очень высоко. Он видит в ней большую ценность. Они уверены, что сильны, потому что образуют большинство. В срединном слое нет никаких страхов и никакой боязни. Они жмутся друг к другу, создавая иллюзию тепла. В их серединке ни за что не останешься один на один с чем бы то ни было, а уж тем более с самим собой. И как они этим довольны! Ничто в их существовании не видится им ущербным и достойным порицания, и никто не вправе порицать ущербность их существования. И упреки Эрики, утверждающей, что то или иное исполнение не удалось, отскочили бы, словно мяч, от этой терпеливой мягкой стены. Что касается Эрики, она стоит по другую сторону в полном одиночестве и, вместо того чтобы гордиться этим, вымещает на них злобу. Раз в три месяца она гонит их на концерт за решетчатый забор, ворота которого распахнуты, чтобы бараны могли попасть внутрь. Самодовольные и скучающие, они, издавая блеяние и толкаясь, устремляются в ворота и сбивают друг друга с ног, если кто-нибудь неосмотрительно попытается их задержать, потому что повесил свое пальто на самую дальнюю вешалку и теперь никак не может отыскать. Сначала они все рвутся вовнутрь, а потом так же быстро – наружу. И все время толпой. Они считают, что чем быстрее они окажутся на другом пастбище, на пастбище музыки, тем быстрее они смогут его покинуть. Сейчас, после короткого перерыва,

который мы с вами заслужили, дамы и господа, дорогие ученики и ученицы, последует большая порция Брамса. Сегодня исключительность Эрики не предстает некоей виной, а является преимуществом. Все глазают на нее, даже если тайком ее ненавидят.

Господин Клеммер, протискивающийся к ней, заливает ее праздничным светом своих голубых глаз. Он двумя руками держит пианистку за руку, говорит «Целую ручки!» и объявляет, что у него просто нет слов, госпожа учительница. Мамочка Эрики вклинивается между ними и явственно препятствует их рукопожатию. Никаких знаков дружеского расположения и приязни, потому что при сильном рукопожатии можно потянуть сухожилие, а это нанесет вред игре. Рука должна пребывать в естественном положении. Право, уж очень серьезно мы эту третьесортную публику не воспринимаем, не так ли, господин Клеммер? Ее нужно тираничить, подавлять и закабалить, чтобы она стала хоть сколько-то чувствительной к музыке. На нее нужно обрушивать дубину! Ей хочется быть высеченной и получить в распоряжение море страстей, которые соответствующий композитор переживает вместо нее и тщательно фиксирует в нотных знаках. Ей нравится все кричащее – в противном случае она сама примется непрестанно кричать. От скуки. Приглушенные тона, тонкие промежуточные переходы, нежные различия она не воспринимает никогда. При этом в музыке, как и вообще в царстве искусства, очень легко пользоваться яркими контрастами, резкими противоречиями. Однако все это – низкопробное искусство, и ничего больше! Эти ягнята о подобном и не подозревают. Им вообще ничего не известно. Эрика доверительно берет Клеммера под локоть, что вызывает в нем мгновенную дрожь. Вовсе не потому, что он мерзнет, окруженный ордой подростков, в которых циркулирует здоровая кровь. Эти насытившиеся дикари живут в стране, в которой вообще царит культурное варварство. Загляните только в газеты: журналисты еще большие варвары, чем те, о которых они пишут. Человек, аккуратно расчленивший тела супруги и детей и хранящий все это в холодильнике с целью употребления в пищу, не более варвар, чем газета, в которой все это описывается. И здесь, в этой стране, Антон Ку когда-то возвысил голос против обезьяны Заратустры! А сегодня разве что газета «Курир» возвышает голос против газеты «Кроненцайтунг». «Ах, Клеммер, только представьте себе это как следует! А сейчас, господин Клеммер, если вы не возражаете, я должна поприветствовать госпожу учительницу Вьераль. Потом я снова к вам вернусь».

Мать заботливо накидывает ей на плечи собственноручно связанный голубой жакетик из ангорской шерсти, чтобы, не дай Бог, не застыла смазка в шарнирах сочленений и чтобы повысилась сопротивляемость к трению. Жакетик – словно теплый чехольчик, надеваемый на чайник. Иногда такие самодельные чехольчики, увенчанные разноцветными помпонами, надевают на всякие полезные вещи, например, на рулон туалетной бумаги. Они украшают заднее стекло автомобиля. Их ставят точно по центру. Помпоном Эрике служит ее собственная голова, гордо торчащая сверху. Эрика скользит по гладкому льду паркета, который сегодня в особенно изхоженных местах укрыт от ног плохих бегунов, скользит в сторону своей старшей коллеги, чтобы услышать похвалу из профессиональных уст. Мать нежно подталкивает ее сзади. Рука матери упирается Эрике в спину, в ее правую лопатку, в ее ангорский жакетик.

Вальтер Клеммер все еще не курит и не пьет, но, несмотря на это, обладает удивительной энергией. Он прокладывает себе путь сквозь гогочущее стадо вслед за учительницей, прилепившись к ней как пиявка. Он к ней словно приклеился. Если он ей понадобится, он у нее под рукой, к примеру, если ей потребуется мужская защита. Ей стоит только обернуться, и она уже наткнется на него. Он нарочно ищет этого телесного контакта. Короткий перерыв закончился. Близость Эрики он втягивает в себя широко раздутыми ноздрями, словно находится на лугу высоко в горах, куда попадаешь редко и поэтому дышишь особенно глубоко, чтобы унести с собой в город как можно большую порцию кислорода. Он снимает волосинку с рукава голубого жакета и получает за это благодарность. О лебедь мой! Мать что-то туманно предчувствует, однако не может не оценить его вежливость и обязательность. Эти качества находятся в резком

противоречии со всем, что в настоящее время принято и востребовано в отношениях между полами. Господин Клеммер для нее – совсем молодой человек, но он – человек старой закалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.